

Анна
Морецкая

Ата

о первом всаднике
Время проснуться дракону

18+

Анна Морецкая

**Сага о Первом всаднике. Время
проснуться дракону. Часть 1**

«Автор»

2018

Морецкая А.

Сага о Первом всаднике. Время проснуться дракону. Часть 1 /
А. Морецкая — «Автор», 2018

Сага – это рассказ о жизни и подвигах настоящего героя. Но разве героем рождаются? И если да, а в Книге Судьбы давно все прописано, то как молодому парню, воспитанному двумя оборотнями в отдаленном замке, стать тем самым Первым всадником, определенным пророчеством для спасения Мира? Да очень просто! Найти верных друзей, встретить предписанную Судьбой любовь и разбудить дракона. Пройти с ними положенный Путь. А на Пути том, не всегда гладком и ровном, и слабых нужно поддержать, и со злодеями сразиться. И когда в Мир вернется Древнее Зло, вступить в битву и с ним! В оформлении обложки использованы рисунки автора. Содержит нецензурную брань.

© Морецкая А., 2018

© Автор, 2018

КНИГА 1 ПРОЛОГ

Дядюшка был несказанно щедр и внимателен, когда согласился оказать помощь юной дальней родственнице и принял-таки ее в своем доме. Так казалось... в начале. Но, подобными положительными качествами, как узнала в дальнейшем Вальса, приютивший ее родственник не обладал совершенно.

В первый же день, как они с Гэмом обосновались в старом замке, стало понятно, что внимания на них обращают не более чем на дворовых котят. Никто в этом огромном и мрачном доме, казалось, не замечал их присутствия, и даже мрачные замкнутые слуги, молча, шмыгали мимо. Сам же дядюшка, за всю десятицу, что они гостили вдвоем, только раз вышел к вечерней трапезе, да еще, не далее как вчера, выразил свою заинтересованность к их занятиям по фехтованию.

И если в трапезной он разговаривал мало, но хотя бы был вежлив и выглядел вполне благообразным степенным господином, то вот его появление на галерее, которая выходила на замковый двор, где они с братом тренировались, Вальсу уже напугало.

Высокий и сухопарый, в развивающихся долгополых одеждах, он выглядел как Дух Возмездия из страшных сказок, которыми пугают друг друга дети, забившись зимним вечером под одеяло. Было заметно, что он старательно прячется от яркого солнца, держась самой глубины галереи, подходя к перилам только там, где они полностью попадали в тень от башни. А когда черное одеяние почти сливалось с густым сумраком и был виден лишь призрачный силуэт, Вальсе даже казалось, что глаза его в этот момент отсвечивают красным. И этими мерцающими искрами он внимательно следил за девушкой, за каждым ее шагом, каждым выпадом, отвлекая от боя и настораживая. «Бр-р-р...»

И вот теперь, после десяти дней полного невнимания к ним, дядюшка, вообще призвав все законы гостеприимства, выставил Гэма из замка! Причем, в самой, что ни на есть, пренебрежительной форме и в неподходящее для отъезда время.

Да-да, к ним просто подошел старший слуга, такой серый непримечательный дядька с тусклыми глазами, и невыразительным обыденным тоном, каким принято докладывать о поданной трапезе или подготовленной к выезду карете, сказал, что хозяин велит молодому господину покинуть его дом не позднее чем через час после оглашения оногo приказа.

Вальса попыталась возразить:

– Как же так можно? До ближайшей деревни почти полдня пути верхом и Гэм может не успеть добраться туда до ночи!

На что тот, немного помолчав, тем же блеклым тоном только и ответил:

– Время уже пошло, молодая госпожа. Не стоит гневить господина магистра.

Ну что им оставалось делать?! Действительно, с таким могущественным магом как дядюшка и не поспоришь...

Они вместе покидали вещи Гэма в его дорожный мешок и без долгих прощаний, на которые уже не оставалось времени, расстались. Брат понесся вниз в конюшню, а она, едва сдерживая слезы, поплелась наверх – в свою комнату.

Сначала, по приезду, когда девушку проводили в это «воронье гнездо», как она с ходу обозвала предоставленную спальню, Вальса ее не оценила, посчитав, что это очередной пренебрежительный жест дядюшки – уж больно далеко от основных покоев она располагалась. Но вскоре, побродив по другим комнатам, коридорам и залам этого странного дома, она иначе стала глядеть на предоставленное ей жилище.

Занимающая самый верх западной башни комната была невелика, но, что удивительно, имела собственный маленький очаг. И вот именно его тепло, да еще яркий дневной свет, льющийся беспрепятственно через высокие узкие окна, бывшие когда-то бойницами, делали

спальню уютной и приятно удобной, в отличие от других бесчисленных помещений мрачного замка.

Сегодня же оказалось, что у этой комнаты есть еще один плюс – одно из окон выходит прямо на Надвратную башню и подвесной мост. А дощатый настил, проложенный через Черное болото, окружающее замок, вообще как на ладони. Она хотя бы сможет увидеть, как уезжает Гэм, и помахать ему рукой!

Но благодарить за это она будет Всемиловейшего Светлого, а не мерзкого дядюшку, который выгнал брата!

Вальса зажгла свечу перед маленькой фигуркой из полированного серебра.

Первый же брошенный на статуэтку взгляд заставил сердце девушки сжаться от нахлынувшего осознания одиночества и пронзительной тоски по утраченной заботе близких. Эта серебряная фигурка была одной из немногих ценных вещей, наследием знатного рода, которая сохранилась у них в семье, и которую именно ей отдал отец, когда она уезжала из дома.

Но время не ждет, и, не давая воли своим расстроенным чувствам, она опустилась на колени и зашептала молитву, приблизив лицо к изваянию Светлого так близко, что тепло маленького пламени коснулось ее губ.

Да, зашептала. Уж не зная почему, но Вальса была просто уверена, что дядюшке не понравилось бы, что она в его доме взывает к Светлому.

Прочитав молитву, она принялась просить за брата – за его дорогу безопасную, чтобы ни зверь, ни злой человек не встали у него на пути. За долгий вечер, чтоб ни дождь, ни тучи не укоротили и без того короткий осенний день и не помешали Гэму добраться дотемна до какого-нибудь людского жилья... хотя бы до той маленькой хижины, толи дровосека, толи охотника, что они заприметили по дороге сюда.

Когда от искренней молитвы и трепетных просьб на глаза стали наворачиваться слезы, а на душе слегка потеплело, Вальса позволила-таки себе подняться с колен и, осенив себя божественным круговертием, направилась к окну.

Вообще-то из ее спальни открывался потрясающий вид, если, конечно, не смотреть вниз на чернеющую воду гнилого болота.

В том месте, где деревянный настил соприкасался с берегом, сразу за кромкой из неопрятных кочек, начинался луг, даже этой ранней осенью похожий на пестрый ковер из трав и поздних цветов. Чуть дальше, за лугом, древний дубовый лес плавно колыхался желтеющей листвой. А на самом горизонте, иногда явно проступая на фоне серо-голубого неба, а иногда почти прячась в облаках, возвышался Драконий хребет. Еще вчера они с Гэмом стояли именно на этом месте и провожали за горизонт вечернее солнышко, которое милостиво им улыбалось, высвечивая далекие горы и обещая ясное безветренное утро.

Но сейчас не красоты открывающихся далее привели Вальсу к окну. Перегнувшись через проем, она напряженно вглядывалась в проезд под Надвратной башней, откуда должен был выехать брат.

« – Чего он тянет?! Вечер близится!» – злилась она, кинув взгляд на солнце, которое сегодня было уже не так расположено к ним и, не обращая внимания на тревогу девушки, вовсю припустило по западному склону.

Тогда, опять склонившись, она посмотрела на болото. От него ближе к сумеркам всегда начинал подниматься густой липкий туман, накрывающий собой черную воду, осклизлые редкие кочки, торчащие над ней, и деревянный настил – единственную нить, соединяющую замковый остров с берегом.

« – Фу, вроде не видно!» – облегченно выдохнула Вальса, не разглядев внизу ни одного белесого клочка.

Тогда она задрала голову вверх – теперь она высматривала ворон, также как и туман, всегда появляющихся с приближением вечера. Нет, этих мерзких крикливых птиц тоже не видно.

Хотя... это, наверное, не показатель.

Не далее как сегодня утром она проснулась от пронзительного карканья. А когда выглянула в окно, то увидела, правда одного, но такого огромного ворона, что аж испугалась – столь крупного девушка еще ни разу не видела, хотя с того времени как поселилась в дядюшкином доме, на ворон-то она нагляделась! Их здесь, как известно, великое множество. Замок и тот зовется в их честь – Воронья Кочка.

Вспомнив про громадную птицу, Вальса про себя в сердцах ругнулась:

« – Вот и накалал демонов урод несчастье!».

Но, как только снизу раздалось бряцанье цепи и скрежет поднимаемой решетки, она сразу же забыла и о вороне, и о своих страхах, перенесла все внимание на открывающиеся ворота.

Когда в открытые створы на деревянный настил выехал долгожданный всадник, сердце Вальсы в очередной раз боязливо сжалось.

Высокий ширококостный боевой конь, как и положено ему по породе, мощной тяжелой машиной попер по прогибающимся и стонущим под его весом доскам мостков. Но вот молодой человек, ехавший на нем, только-только вышел из подросткового возраста и никакие тренировки еще не способны были укрепить необросшую мышцами долговязую фигуру. И теперь, с высоты того места, где находилась девушка, всадник восседавший на широкой спине коня показался ей каким-то хрупким и беззащитным.

Особенно трогательными выглядели худые колени, в крепком обхвате сжимающие бока лошади, и тонкая прямая шейка, поддерживающая маленькую, коротко обстриженную голову, и силящаяся показать гордую осанку наездника, но на самом деле жалко торчащая из широкого ворота дублета. И даже полная уверенность девушки в умении брата обращаться с громадной зверюгой, не могла уменьшить ее тоскливой озабоченности и страха за него.

Старательно сдерживая набегающие слезы, она наблюдала, как тот споро продвигается по деревянному настилу. Выжаренные за лето солнцем доски мостков упруго вибрировали под копытами лошади, отчего звонкое постепенно отдаляющееся цоканье, долетая до девушки, еще больше наполняло горем ее и без того тоскующее сердечко.

Вот конь, приостановившись, аккуратно переступил на камень дороги. Всадник развернул его и взгляделся в замок, который оставил позади, потом, подняв руку в прощальном жесте, замер на секунду.

Он увидел ее! Вальса это точно знала, как если бы встретила с ним взглядом.

Она в ответ тоже помахала ему.

Но в тот момент, когда парень дернул рукой, натягивая повод и разворачивая коня обратно к дороге, в глазах вдруг все поплыло. Всадник, дорога и лента белесого настила стали растворяться и уже мгновение спустя девушка не видела ничего кроме черноты снизу и зелени сверху. Болото и луг поглотили все детали.

Поняв, что это слезы, она со злостью стала тереть глаза руками.

« – Чего реветь? Она, наконец-то, там, где мечтала оказаться всю свою сознательную жизнь. Все сложилось к лучшему: отец, хоть и скрепя сердце, но отпустил ее из дома, а дядюшка, несмотря на уединенный образ жизни, все-таки взялся обучать и позволил приехать в свой замок. Чего реветь-то?»

Но тогда откуда эта тянущая тоска, вдруг заставившая сердце замирать после каждого удара? Откуда это предчувствие беды, темным холодом давящее на затылок?

« – А-а, наверное, это тяжелый осадок, оставшийся в душе после того, как дядюшка выставил брата из замка, перед самым заходом солнца!»

Девушка справилась со слезами и, опустив руки на подоконник, стала вглядываться вдаль.

Брат был уже далеко. Видимо он пустил лошадь в галоп сразу как съехал с мостков. И теперь Вальса уже не могла разглядеть, где человек, а где конь – просто движущееся коричневое пятнышко, готовое вот-вот скрыться за стеной бурой колышущейся дубравы.

От тягостных мыслей ее отвлек предвечерний ветерок, лизнувший прохладным языком влажные от слез ладони.

Она, было, машинально вытерла их о свои бедра, но тут же спохватилась – не стоит ей вести себя как мальчишке-подростку. Дядюшка отчетливо дал понять – пора уже учиться быть девицей благородного происхождения. И как бы ни было горько на душе, и как бы ни был неприятен старый маг, но раз она в его доме, то надо следовать предписанным условиям...

Девушка отвернулась от окна, тем более что всадник уже скрылся за деревьями. Взгляд ее наткнулся на яркое пятно – платье, аккуратно разложенное на единственном в комнате кресле.

Ее первое взрослое платье... Не то что бы она никогда не носила их дома – носила, конечно, но это было давно, зим до восьми, пока жива была мама. Потом она выросла из тех, что были. А новые...

Отцу ее, коменданту приграничной крепости, откуда ж было знать, как воспитывать девочку? Оправившись от потери любимой жены, он забрал младших детей из призамковой деревни, где у них был свой дом, и окончательно поселился в крепости, оборудовав для своей обделенной семьи несколько комнат в казарме.

Какие уж тут платья? Когда однажды утром одно из тех, что еще шила мама, не сошло с плеч Вальсы и треснуло по шву, ее обрядили в такие же как у Гэма штаны и рубаху.

Не прошло и дня, как она, оценив вдруг приобретенную свободу движений, уже носилась по крепости наравне с мальчишками и участвовала во всех их забавах, не уступая им ни в ловкости, ни в скорости. А уж мальчишек в приграничном замке было много: сирот низкого сословия с близлежащих окрестностей свозили в крепость еще в малолетстве. Но и родовитых парней годам к четырнадцати, бывало, присылали – кого из обедневшей семьи, а кого и из богатой, да знатной, но в которой он там третий или пятый сын.

Видя, что дочь совсем не возражает против такой замены своего гардероба, отец не стал и заморачиваться по поводу девчоночьей одежды и полностью погрузился в свои дела.

А дел тех было много, как комендант он отвечал за всю крепость. И провиант, и обмундирование, и ремонтные работы на оборонительных сооружениях – все было на нем. Еще, конечно же, постоянные тренировки с солдатами: лучниками, пехотинцами, конниками.

С тех пор так и повелось: ей заказывали сапоги вместо туфелек и камзолы вместо платьев. К праздникам дарили кинжал, хлыст или уздечку, украшенную медными гвоздиками, а не ленты, кружева или украшения. Вместо того чтоб проводить свое время за пальцами или ткацким станком, она стреляла из лука, упражнялась с мечом и занималась выездкой. В общем, вела такую же жизнь, как и ее братья.

Когда-то в детстве она мечтала об этом и была бы вполне счастлива, жить так и дальше, если бы... не одна, обременившая тяжким грузом ее существование, способность! Которая в итоге и оторвала девушку от родного дома, от привычной жизни, от близких ей людей, и привела сюда – в мрачный холодный замок к дядюшке...

Вообще-то, традиционно такую способность было принято называть Даром Темного.

Но! Подарок, это ведь что такое? Это что-то хорошее, приятное или, на худой конец, полезное для одаряемого. Ну, так это у других...

Кому-то досталась способность к знахарству – травы распознавать и недуги людские наложением рук лечить, кто-то мог тучки сгонять для дождя своевременного, а у кого-то получалось и с животными беседовать. И такие умельцы повсеместно уважением пользовались,

принося своим даром пользу людям, а себе родимому и близким – медяки кучкой, а то и серебряшки.

А вот ей, горемычной, совершенно ужасный и опасный Дар достался – магическая сила, нацеленная на огонь! И когда отцу стало понятно, что Дар дочери может нести опасность для окружающих, он вынужден был задуматься о ее будущем. Вот тогда-то и вспомнил он о дядюшке – Великом и Всесильном Волшебнике. Так, по крайней мере, о нем говорили в семье.

Формально господин магистр Вальсе дядюшкой не был, а приходился каким-то там прапрадедом. Она не знала точную степень их родства. Ему было больше двухсот зим, и никто из ныне живущей родни его, кажется, никогда и не видел. Но все о нем знали. И о замке его, Воронья Кочка, тоже понятие имели.

Эдакая семейная легенда, которую рассказывают детям из поколения в поколение. И не важно, что предмет этих рассказов все это время был жив и вполне здоров, а поколения его потомков, слагающие о нем сказки, уходили, сменяясь новыми.

Но в этих легендах было одно упоминание, за которое и ухватился отец, напуганный бесконтрольностью дочериного Дара. Упоминание то было кратким, но информацию заключало в себе довольно ценную. А именно, что когда-то, зим сто назад, в одной из ветвей семьи был такой же, как и Вальса, одаренный ребенок, а дядюшка не отказал, взялся за его обучение.

Много зим отец писал знаменитому родственнику, умоляя его помочь и в их беде.

И вот она здесь, в мрачном старом замке, тяжело придавившем каменистый холм посреди Черного болота. И этот замок именно такой, как рассказывалось о нем в тех пугающих семейных преданиях, слышанных Вальсой в детстве. Темный, изъеденный ветром и дождем камень стен. Плющ, густым пологом ниспадающий от самой крыши и закрывающий узкие окна. Тучи ворон, начинающих кружить над башнями чуть солнце ступит к горизонту, и сизый туман от болота, поднимающийся к ночи и укутывающий его почти до полуденной трапезы.

И еще гнетущая атмосфера, темным покрывалом обволакивающая его, которую начинаешь ощущать, едва замок покажется на горизонте.

Впрочем, насчет зловещей ауры замка она, может, и не права. Гэм вот, например, ничего такого не заметил.

Но когда над дубами впервые стали видны черные стрелы башен дядюшкиного замка, тогда и настигло ее осознание, что она уехала из дома на многие зимы, которые должна будет провести вдали от родных. И жить ей придется не просто с чужим человеком, а с тем, о ком всегда рассказывали, понижая голос до шепота, таинственные и жуткие истории. Вот откуда, наверное, ощущение черного зла, витающего над дядюшкиным домом...

От всех этих мыслей на душе стало еще тоскливей. А из-под тоски этой, сначала потихоньку, ползком, а потом все быстрее и быстрее, подгребая под себя все остальные чувства и мысли, полезла злость – на гадкого дядюшку, на Дар, никому не нужный, на судьбу свою бедолажную и даже на отца, который отпустил ее в такое поганое место!

Злоба ширилась и бурлила, раскаляя внутренности и обжигая ладони. Вальсе захотелось схватить платье – растерзать его, растоптать, а потом швырнуть к ногам дядюшки, чтоб не смел более пренебрегать и помыкать ею!

Но буря чувств, что всколыхнулась в ней, не позволила даже ступить с места – с ладоней хлынуло пламя, как вода из перевернутого кувшина, мгновенно воспламеняя своим жаром и старый гобелен на стене, и покрывало на кровати.

Опомнившись, Вальса стала сдирать горящую ткань и запихивать ее в очаг. Упав на колени, она засунула туда же и руки.

– Нужно успокоиться! – твердила она, уже зная, что иначе огонь, сходящий с ее ладоней, унять не удастся.

Пытаясь отвлечь свои мысли от насущных проблем, девушка по привычке стала разглядывать пляшущие в очаге оранжевые языки, которые жадно поглощали то, что она им дала

в этот раз. Ярко с треском сгорал гобелен, почти без пламени, сворачиваясь в сизый кокон и пуская легкий дымок, тлело чудесное шелковое покрывало – всякая вещь горит по-своему, уж она-то это знала!

Меж тем, мысли ее, пометавшись и поскакав по всяким незначительным закоулкам, постепенно успокоились и, резко свернув в последний раз, привели Вальсу... к началу.

Ее родной дом – большой, нижний этаж из камня, а верхний деревянный. Вальсе, в ее пять зим, чтоб увидеть резной конек, приходится задирать голову так, что она начинает кружиться, а земля под маленькими ножками – куда-то уплывать.

Она с матерью и братьями стоит на высоком крыльце, а отец с воинами выходят из конюшни.

Все знают: он ездил в большой город на ярмарку и привел оттуда старшим братьям коней. Да ни каких-нибудь там обычных лошадок, что в телегу запрягают, а самых настоящих боевых, больших и сильных – таких, чтоб смогли воинов в тяжелых латах вынести.

Тэт и Дэй близнецы, им по пятнадцать зим уже, и отец забирает их к себе в крепость, чтоб с другими мальчишками занимались и к службе в армии готовились. В их семье так. Хоть и благородного они рода, но из младшей ветви, что бы это ни значило, а потому, ремеслу какому-нибудь учиться надо или на службу идти.

А какая служба может быть лучше военной? Тут тебе и уважение, и почет, а если не будешь дураком, то и ка-кальеру сделаешь! А если, эту самую «кальеру» сделать правильно, то она еще и денежку хорошую принесет! Вот – так отец говорил!

Да! А отцу Вальса верила и тоже хотела, как он и братья, кальеру делать – на большом коне скакать, копьё в пугало крутящееся втыкать и мечом с наскока тыквы рубить. Да-да, она все видела, когда отец их с Гэмом в крепость к себе брал!

Только боялась она, что не разрешат ей воином стать – девочка же она, и сильного дяденьки из нее не вырастет, а лишь обычная тетенька...

Вот только в чем разница-то? Ну, писают они с Гэмом по-разному, а так, вон треснула его как-то, и побежал он к отцу жаловаться, даром, что на год старше! Да и мамонька, давеча схватила две бадейки с водой и понесла себе на огород. А то бывало, когда отец по нескольку дней из крепости не приезжает, она и дрова рубит – не хуже чем у него получается. А уж тыквы-то...

Пока Вальса в очередной раз прикидывала, светит ли ей «кальера», мужчины закрыли ворота конюшни и пересекли двор. Отец легко взбежал на крыльцо, подхватил их с Гэмом на руки и стал целовать в румяные щеки. Им стало радостно от его внимания, а пахнувшая табаком борода мягко щекотала лица – они засмеялись. Отец тоже. Близнецы и отцовские воины подхватили их смех – всем было хорошо: солнечный весенний день еще не закончился, поездка была удачной, а теперь все вернулись домой и их ожидает сытная трапеза.

Мама тоже улыбнулась. Но Вальса видела, что глаза ее грустны – она переживает, что двое ее детей завтра отправятся в крепость и останутся там, а она их будет видеть только по редким праздникам.

Вальса про это горе все утро слушала, пока они готовились к приезду отца. Малышка, конечно же, утешала мать, ластясь к ней и обнимая, но понять ее, не могла. Как можно так убиваться из-за отъезда этих двух оборотов? Они вечно дерутся между собой, обижают их с Гэмом, говорят плохие слова, девочка такие только в казарме и слышала, и то, только до того момента, пока солдаты ее не замечали.

Но мама же многого не знает – в ее присутствии они смирные.

А вот несколько дней назад Тэт, вообще, жуть, что сотворил: на крытом дворе, за кучей еще прошлогодней соломы, обижал соседскую девчонку.

Василянка, конечно, хорошо постарше Вальсы будет, и титьки у нее уже выросли, что твои свёклины сахарные налитые, но щипал он за них, видно, сильно – она, аж стонала. А он навалился на нее, дурак здоровый, и пыхтит – даже штаны с попы съехали!

Не кричала же соседка, по разумению девочки, только потому, что испугалась очень. Недаром же веночек из первоцветов ей сплела, после того, как Вальса спасла ее от брата, огрев того метлой по голому заду. Да, еще заставила его медовую конфету сестре принести! А она за это Василянке обещала никому не рассказывать, что Тэт ее обижал – все ж смеяться будут, что отпор мальчишке дать не смогла!

И вот так всегда! Узнала бы все про близнецов мама, может, ей и легче с ними расставаться было бы, а то теперь горюет – дома, видишь ли, они будут редко появляться! А вот Вальсе, например, редкие праздники – в самый раз. Как хорошо они заживут! Тихо, спокойно. Маму только жалко. Рассказать ей, что ли про Тэта...

Но, ни утром, ни сейчас, как бы, не было жалко маму, малышка, конечно же, ничего про близнецов не рассказала. Слово же честное давала! А держать данное слово для человека – самое важное в жизни, так отец говорит.

Праздничное застолье подошло к концу.

Соседские девчонки, та же Василянка да Льянка, что за медную монетку обычно матери по хозяйству помогали, были отпущены еще днем, до приезда отца. Так что пришлось Вальсе, как и положено послушной дочери, маме помогать: объедки свиньям на корм сгрести, очищенную посуду в стопочку складывать и матери в ушат с мыльной водой относить, да остатки нарезанного хлеба салфеткой льняной укрывать.

« – Вот так и проведу всю жизнь – буду хрюш кормить да посуду мыть! И никакого мне коня боевого, никакого меча...» – стараясь громко не хлюпать носом, говорила себе Вальса, остерегаясь при этом попадаться матери на глаза.

Но та и сама на дочь не глядела, погруженная в свои нерадостные мысли, благо в доме никого кроме них не было и ей не приходилось вымучено улыбаться.

А Вальса потихоньку ревела, размазывая слезы по щекам. Сначала это были слезы обиды, потом жалости к себе, затем слезами досады стали. И уже под конец, когда казалось, что все уж выплакала, вдруг с новой силой побежали слезы злости. Вроде бы, вода... но такие горячие, что от них так и жжёт ладони...

Им с матерью отец тоже привез подарки. Для мамы бусики из серебряных розочек, а ей – из красненьких шариков. И Вальса радовалась бусикам, честно-честно, но... до тех пор, пока отец не позвал всех смотреть купленных коней. А потом оказалось, что «все» – это близнецы и Гэм, которому он еще и пообещал такого же купить, когда подрастет!

– Ы-ы-пп! – всхлип получился таким громким, что девочка покосилась на мать – не услышала ли. « – Вроде нет».

Вытирая с убранного стола последние крошки, Вальса прислушивалась к тому, что происходило во дворе.

Вот – бахнула створка закрывающейся двери конюшни, вот – в отдалении послышались низкие голоса мужчин и что-то тараторящий высокий голосок Гэма. « – У-у, предатель!»». Потом дробно простучали приближающиеся скорые шаги по дереву крыльца – это старшие братья возвращаются в дом. Точно – стук входной двери и ураган топота по лестнице на второй этаж.

« – Пора!» – Вальса подхватила свечу и выскользнула через заднюю дверь. Обида и злость придали ей решительности – она тоже пойдет смотреть на новых лошадок! Сама!

Пройдя через крытый двор, девочка выскользнула на улицу и, обогнув дом, вышла к конюшне.

Над деревянной серым маревом нависли сумерки, только за крепостью, возвышавшейся на холме, еще проглядывала чуть розовеющая полоса, почти не дающая никакого света. Голоса мужчин ровным рокотом слышались из-за высоких ворот – это отец вышел на улицу провожать воинов, возвращающихся к ночи в замок.

Пользуясь моментом, девочка прикрыла ладошкой свечу и перебежала открытое пространство от угла дома до ворот конюшни. Откинула щеколду и, не открывая широко дверь, протиснулась внутрь.

Вот они коники! Только внутри уже темень полная – ничегошеньки не видать. Малышка повыше подняла свечу и двинулась по проходу.

Денники, расположенные с правой стороны, ее не интересовали – там все лошади давно знакомые. В крайнем от входа Жабок стоит, старый и трудолюбивый коняга – в плуг да в телегу его запрягают. А прозван так за кряжистость свою и цвет неопределенный, серо-бурый какой-то. Некрасивый конек, конечно, но хороший, смирный. В следующем стойле – мамина кобылка, Медуней кличут. Эта раскрасавица хоть куда: тонконогая, ладная, с золотистыми боками и светлой длинной гривой. А дальше папин Борец – настоящий конь для воина: высокий и мощный, каждое копыто, как у Вальсы голова. Девочка его уважала и немного побаивалась.

В общем, двинулась она вдоль левой стороны.

В начале ряда низкий загончик для осликов. Между досками, шумно шмыгая мягкими ноздрями, тут же просунулись две мохнатые головы, в надежде на угощение.

– Вы похожи на Дэйя и Тэта – такие же губастенькие и вечно голодные, – хихикнула Вальса, проводя рукой по тянущимся к ней мордам. Этим она совсем не боялась – они старые знакомцы. Но сегодня хлебушек не для них припасен.

Малышка проходит дальше, поднимая вверх свечу, но кроме неясного силуэта над дверью денника ничего не видит.

– Коники... хорошие коники... вкусную корочку дам! – старается она дозваться лошадей, доставая хлеб из кармана, но те тихонько фыркают, а близко к загородке не подходят.

Вот беда-то! Если отойти подальше, то маленького круга света, что дает свеча в руке, явно не хватает. А если подступить поближе, то упруешься носом в доски двери – роста маловато.

Тут девочка замечает старый пивной бочонок, стоящий посреди конюшни возле центрального столба. Его обычно отец как табурет использует, когда подпругу или уздечку чинит.

Тяжелый! Вальса уперлась ногами в пол и перевернула бочонок на бок. Вроде и не далеко катить, но на каждой неровности пола бочка норовит направиться не туда. Но упорства, подпитанного обидой, девочке все-таки хватает, чтоб докатить ее до денника одной из новых лошадок. Пыхтя и напрягаясь из последних сил, она ставит бочонок на попа. А отдышавшись, лезет на него – в одной руке свеча, а в другой ломоть хлеба.

Утвердившись сверху, Вальса поднимает повыше свечу и... то, что происходит дальше, для самой девочки запомнится как самый худший кошмар в ее жизни, длиною в целую вечность. Но на самом деле все случившееся длится не более нескольких мгновений!

Вздернутая вверх детская мордашка оказывается прямо под нависшей над ней здоровенной лошадиной головой, а пламя свечи в непосредственной близости от бешено вращающегося и сверкающего отраженным светом глаза животного.

Напуганный близким пламенем конь начинает ржать и вскидывается всем своим громоздким телом, пытаясь встать на дыбы.

От неожиданности девочка отшатывается назад и падает с бочонка. От удара она выпускает из рук свечу, которая откатывается и тухнет, погружая конюшню во мрак.

Взбешенный конь продолжает громко ржать и биться в загородку.

Ошарашенная случившимся, напуганная, с болью в спине, малышка не сдерживается и ударяется в слезы. Почему-то, опять ужасно горячие, они жгут ладошки, и Вальса с ожесточенным трет руки о подол платья.

Дальше происходят совсем уж непонятные и пугающие вещи: от ткани вдруг начинает тянуть паленым и, вроде как, откуда-то снизу появляется свет. Девочка отрывает руки от платья, пытаясь их разглядеть, и на мгновение слепнет от яркого пламени, которое прорывается на поверхности ладоней, подобно проблескам огня на затухающих углях. В испуге малышка падает на колени, стараясь о земляной пол сбить огненные язычки, но задевает рассыпанную солому, которая тут же вспыхивает.

В еще большей панике Вальса вскакивает и топчет огонь ногами, но он убегает от нее к целой вязанке, жадно заглатывает ее и сразу же голодно набрасывается на деревянную стойку. Через мгновение в конюшне уже светло, как днем, а от ржання и грохота копыт, бьющихся в закрытых денниках лошадей, закладывает уши.

– Коники... коники... – подвывая от страха за лошадок, Вальса мечется по горячей конюшне.

Платье на ней самой тлеет – черный дымный хвост стелется за ее ногами, но это, почему-то, уже совершенно не пугает девочку, ее волнуют только лошадки, попавшие в западню.

Она пытается открыть одну из дверей, но бьющийся внутри конь ударяет по ней копытами – полуоткрытая щеколда вылетает, а деревянная дверка, распахиваясь, отбрасывает малышку через проход, и она всем тельцем налетает на столб подпирающий крышу.

Звуки отдаляются, огонь тускнеет и наваливается густая глухая чернота. Только как бы издалека слышится чей-то крик: «Коники... коники...»

Настойчивый стук в дверь выдергивает Вальсу из болезненных воспоминаний.

– Войдите, – кидает она в сторону, а сама тем временем быстро поднимается и отодвигается от еще тлеющего очага. В последний момент, когда дверь уже в движении, прячет руки за спину, укрывая от постороннего взгляда опаленные рукава.

В общем-то, этого можно было и не делать – в открытую дверь ступил только лишь слуга, пришедший звать молодую госпожу в библиотеку, где ее ожидает хозяин. А они тут, в этом странном доме, и сами все странные – ходят, голов не поднимают, в глаза не смотрят и без великой нужды, или приказа дядюшкиного, и не разговаривают. Так что, скорее всего, он и не обратил бы внимания на подпаленную рубашку.

Но привычка – великое дело! Еще много зим назад Тэт ее поучал – то, что можно скрыть – лучше взрослым и не показывать:

– Меньше будут знать – крепче станут спать. И тебе, мелкая, проблем меньше! – втолковывал он. А по наблюдениям самой Вальсы за жизнью старших братьев выходило, что так оно и есть.

Что ж... слезы высохли, злость прошла, внутренний огонь успокоился. А на трезвую голову и мысли разумные приходиться стали. Да и воспоминания о первом проявлении Дара пришлось кстати, напомнив девушке о том, что хотя и прошло с того случая уже десять зим, но лучше управлять она им так и не научилась. И здесь она именно для того, чтоб обуздать дарованную ей Силу и не подвергать больше близких опасности. Да и извлечь хоть какую-нибудь пользу для себя из сего дара.

Поэтому надо гордость и обиды свои прижать, надевать платье и смиренно топтать в библиотеку.

А уж раз надумала – то и сделала...

Вальса подошла к высокому в полный рост зеркалу и стала разглядывать свое отражение.

Еще совсем недавно девушка так радовалась этому платью – ярко синему, бархатному, с пышными воланами из ардинских кружев. Еще вчера она фантазировала, что если бы умела, то сделала бы высокую прическу, как и подобает к такому наряду, и сразу бы стала старше и представительней. Она складывала косу на голове, придерживая ее рукой, вздергивала подбородок и щурила глаза, воображая себя придворной надменной красавицей. Присаживалась

в реверансе, стараясь одновременно не выпускать косу и подхватывать юбки. Это было еще вчера...

Сегодня же, почему-то, это чудное платье ее уже не радовало, и соответственно такому настроению в серебристо-гладкой поверхности зеркала отразилась не «почти придворная красавица», а какое-то угловатое и нескладное существо. А резная позолоченная рама своей вычурной красотой только подчеркивала несуразность обрамляемого ею образа.

Худенькая шейка нелепо выглядывала из вороха кружев, которые не столько скрывали, сколько подчеркивали отсутствие кое-каких выпуклостей в довольно низком вырезе. А затянутый корсет и пышная юбка, призванные вырисовывать плавный изгиб талии, только все портили, создавая впечатление, что надеты на тонкое и ровное бревнышко. Кисти же рук с длинными худенькими пальцами, высовываясь из пышных манжет, походили на куриные лапки.

Лицо ее, как сегодня вдруг разглядела Вальса, тоже подкачало.

Светло-голубые глаза, в сочетании с темными волосами и бровями, показались ей блеклыми. А на фоне неба в окне, что отражалось в зеркале у нее за спиной, и вовсе похожими на сквозные дырки. Маленький слегка вздернутый носик, вроде аккуратной формы, явно портили четкие крапинки веснушек:

– Фу! Как мухи насидели! – буркнула девушка, разглядывая их.

А уж свои пухлые губы она еще с детства ненавидела и уже тогда привыкла называть их лягушачьими. И, как оказалось, на сегодняшний день красивее они так и не стали.

Единственное, что сейчас она находила в себе если и не красивым, то хотя бы приемлемым – это волосы. Гладкие и черные, заплетенные в толстую длинную косу, они добротнo так спускались по груди ниже пояса, отсвечивая отраженными бликами лучей заходящего солнца. Но сия красота была не ее заслугой – за это следовало благодарить отца. Единственный раз он проявил в отношении любимой дочери твердость – настрого запретив резать косу, когда Вальса в подражании коротким стрижкам окружающих ее мальчиков решила от нее избавиться.

Ребенком, в семье с отцом и братьями, да и вообще в крепости, где жили одни мужчины, она никогда особо не интересовалась, как выглядит. А в последние три зимы, когда ее тело начало подвергаться закономерным возрасту изменениям, собственная внешность вообще стала вызывать у нее чувство неприязни и страха.

Вообще-то, если честно, она всего на чуточку стала отличаться от Гэма и других мальчишек, живущих в замке, и эти изменения легко можно было скрыть под широкой рубахой. Но потом... потом случились крови!

Вальса поморщилась – даже сейчас воспоминания об этом были неприятны и вызывали раздражение. А тогда... как же она тогда напугалась!

Рано утром, тайком, девочка выбралась из крепости и кинулась в деревню к бабке-знахарке, со слезами моля ее спасти от ужасной болезни. Бабка та, дай ей Светлый здоровья, зная, что девка без матери да одна среди мужиков растет, пожалела ее, приголубила, все объяснила. Но с тех пор, осознав свое природное отличие, которое по малолетству замечать не хотелось, стала Вальса приглядываться к женщинам, с которыми сталкивалась в призамковой деревне. И то, что она видела, ей не нравилось.

Что рыхлые бабы в широких цветастых юбках, которые делали их еще толще и неповоротливее, что молодые деревенские девицы, с их тяжелыми налитыми титьками и крепкими задами – заставляли ее нервничать, ожидая полного взросления. Как такие ляхи обернуть штанами то можно? Сраму, точно, не оберешься! А в юбке, да с подобными телесами, и на лошади не поскачешь, и с мечом не управишься.

Поэтому, весь последний год девушка прожила, вообще, как на иголках! Каждое утро, натягивая штаны и рубаху, она с замиранием сердца прикидывала, не становятся ли они ей тесны.

И вот теперь, стоя перед этим роскошным зеркалом, она первый раз в жизни задумалась о том, что так ли была права, стремясь во всем походить на мальчика подростка? Женственные линии прекрасного платья не могли полностью скрыть отсутствия этих самых качеств у фигуры, на которую оно было одето. И, что самое печальное, Вальсу это обстоятельство вдруг стало расстраивать. Мало ей что ли других переживаний?!

Этот чудный наряд, кстати, был единственным знаком внимания странного дядюшки, а за одно, и единственным ограничением, вынесенным ей за все время пребывания в замке.

После того, как они с Гэмом по приезду поприсутствовали в трапезной в тех же штанах, что были на них в дороге, им был передан наистрожайший приказ хозяина, что молодой господин может поступать, как ему вздумается, но девица благородного происхождения обязана выходить к столу в платье. Тогда, похлопав глазами от неожиданности, Вальса попыталась объяснить слуге, что она их вообще-то не носит. И причина этого проста – никаких платьев-то у нее и нет.

Тот, выслушав ее в своей обычной манере, то есть, молча и совершенно безэмоционально, удалился. Но не прошло и часа, как он вернулся, неся на руках это чудо портновского искусства. Где уж он его раздобыл за столь короткий срок, можно было только догадываться... ну, или вообще не задумываться – не морочить себе голову! Все равно, он на заданные вопросы никогда не отвечал...

Кстати, после того первого вечера, господин маг так в трапезной больше и не появлялся, а значит и платья на ней не видел.

« – Вот пусть сейчас и посмотрит! Может, в штанах-то оно и лучше было бы...» – злобно подумала Вальса, выходя в дверь, понадеявшись насолить если уж и не словом, то хотя бы своим несуразным видом гадкому дядюшке.

Следуя за слугой, девушка пыталась унять биение своего сердца. Почему то, по мере продвижения к библиотеке, оно вдруг ударилось в бега, и теперь застряло и трепыхалось где-то в горле, мешая дышать. Понимая, что нужно успокоиться, девушка постаралась рассуждать здраво и уразуметь, почему это вдруг все чувства ее в один голос завопили об опасности.

« – Да, дядюшка не был гостеприимным и радушным хозяином. Он не производил впечатления душевного, доброго человека, но... жестоким, вроде как, тоже не показал себя, скорее уж отстраненным и невнимательным. И его следует понять – знаменитый маг, занятой человек, живущий много зим один, а ему, можно сказать, навязали двух подростков. С этим все ясно» – рассуждала она, мысленно раскладывая «по полочкам» все обстоятельства.

« – Так, что еще? Возможно, паника в чувствах возникла, потому что Гэм уехал, и я осталась одна? Да, скорее всего».

Пока Вальса пыталась разумными доводами убедить свои испуганные чувства в неразумности, а сердечко загнать на положенное ему место, они со слугой спустились из башни и вступили в основные покои замка.

« – Вот, поэтому и жутко!» – проговорила себе девушка, оглядываясь по сторонам и все еще пытаясь убедить себя, что ничего особенного в ее страхах нет.

Коридоры, залы и анфилады комнат, по которым они шли, были темны настолько, что приходилось себе подсвечивать даже днем. Все окна были наглухо закрыты ставнями, которые никогда, как успела заметить Вальса, не открывались. От этого в помещениях стояли крошечная тьма и холод. А обустройством всех этих многочисленных покоев, видимо, вообще никто и никогда не занимался. Ни красивой мебели, ни драпировок, ни гобеленов, положенных залам господского замка, нигде и в помине не было – везде только голые стены, кое-где покрытые плесенью, как в подземелье.

Кстати, кроме выделенных им с Гэмом спален, единственная, более-менее похожая на жилую комната, которую видела в замке Вальса, была трапезная. Там стоял стол и вокруг него несколько стульев с высокими спинками, а окна, поверх ставен, завешаны шторами, что при-

давало ей хоть какое-то подобие уюта, несмотря на каменные стены. И всегда, когда они там находились, горел камин, разгоняя промозглую сырость, свойственную другим помещениям.

Привыкнув за последние дни ко всем этим странностям дядюшкиного дома, девушка никак не была готова к тому, что откроется ее взгляду.

Когда слуга распахнул двери библиотеки, и она обвела глазами большую комнату, у Вальсы создалось впечатление, что она попала в обычные, совершенно нормальные покои, хотя, по ее же подсчетам лестничных пролетов, они должны были оказаться в глубоком подzemелье. А после ставших за десять дней уже привычными пустых залов и переходов, казалось, что огромное помещение даже перегружено мебелью!

Вдоль стен до самого потолка громоздились полки, заставленные книгами в кожаных и деревянных переплетах, горками свитков в футлярах и без, просто стопками переплетенных листов бумаги. В редких просветах между ними висели большие полотна в разноцветных разводах с размашистыми надписями.

« – Видимо карты каких-то земель», – поняла девушка – она такие в рабочем кабинете отца видела.

А все остальное пространство, упакованное в стенные шкафы, было загромождено настолько, что, казалось, и пола невидно. Глаза впопыхах выхватывали из общей груды: хрустальный шар на треноге, длинный стол, заставленный узкогорлыми посудинами, раскрытый огромный фолиант на подставке, явно дохлый неизвестный Вальсе зверь с вытарашенными стеклянными глазами и распятый на перемычках... и еще, множество разных предметов, которым на первый взгляд и названия-то не подберешь.

Так же, непривычным для этого дома холода и мрака было то, что эта конкретная комната оказалась ярко освещена и хорошо протоплена.

Свет, казалось, был повсюду – свечи горели не только в обычных пятирогих настольных подсвечниках, но и в высоких, выше человеческого роста, канделябрах, которые были расставлены по углам библиотеки. Да еще и три светильника из витого металла свешивались с высокого потолка, неся на себе не один десяток свечей.

А редкая для этого болотного замка комфортная температура происходила из наличия в библиотеке аж двух горящих каминов, где виднелись объятые пламенем большие охапки дров.

« – А для долгого горения между поленьями торфяные лепешки положили!» – с удовольствием отметила Вальса, когда легкий запах тлеющей прелой травы коснулся ее дыхания.

Большого с первого взгляда она разглядеть не успела – откуда-то справа проскрипел со свойственный ему неприятным тембром дядюшкин голос:

– Проходи девушка. Ты заставляешь себя ждать.

Повернувшись на этот звук, идущий из дальнего конца комнаты, она увидела сидящего за высоким столом господина мага. Сам дядюшка в ее сторону уже не глядел – видимо, кинув ей эту не очень-то доброжелательную фразу, к этому моменту успел уткнуться в бумаги, разложенные перед ним. А может и вообще головы от них не отрывал. « – С него станется...»

Рядом, в тени отбрасываемой креслом, кажется, лежала большая собака.

Пса видно не было, а разглядывать, как всегда раздраженного дядюшку, Вальса не стала. Гораздо более интересным объектом для этого была его соседка за столом, с которой девушка еще ни разу не сталкивалась в замке.

Они-то с Гэмом полагали, что кроме их дальнего родственника и его замкнутых слуг в этом старом доме никто и не живет больше, так как ни в трапезной, ни во дворе, ни в других помещениях замка они никого кроме них не встречали. Хотя всех, кто в услужении у дядюшки находится, они, конечно, знать и не могли, но... то, что эта молодая женщина вовсе и не прислуга, было видно сразу.

Приехать же в последние дни она тоже не могла – ведь приезд достопочтенной гостьи в замок не мог пройти настолько тихо и незаметно, чтоб они с братом его не заметили.

Заинтригованная собственными мыслями:

« – Откуда появилась эта дама и кто она такая?» – Вальса и не заметила, что вместо того, чтобы ответить хозяину дома, она, молча, замерла в дверях, невежливо пялясь на незнакомку.

Дама тоже, в свою очередь, разглядывала девушку, мерцая в свете свечей огромными темными глазами. Приметив, что вошедшая перестала оглядывать комнату и также обратила на нее внимание, незнакомка отвела взгляд и потупила взор. Отчего, даже на таком большом расстоянии, каком сейчас находилась от нее Вальса, стали видны тени на ее щеках.

« – С ума сойти! Это ж надо такие длинные ресницы иметь!» – поразились и, даже вроде как, позавидовала девушка.

« – Наверное, темная эльфийка... не иначе... при такой-то красоте чудесной...»

Пока Вальса, строя догадки, прикидывала, кем бы могла быть таинственная красавица, та взяла со стола какой-то свиток, что-то очень тихо произнесла в сторону дядюшки и направилась к двери.

Если до этой минуты Вальса была просто заинтригована и озадачена присутствием прекрасной незнакомки в доме родственника, то в эту минуту она почувствовала себя ошарашенной и даже обиженной, потому что ее еще совсем недавно «самое прекрасное платье» вдруг показалось ей до нелепости простым по сравнению с феерическим нарядом дамы.

Красный шелк и золотая парча, вышивка и сияющие камни – выхватывая удивительные детали, метался по наряду красавицы восторженный взгляд девушки, а плечи ее в этот момент никли под тканью, как оказалось, скромного платья.

« – И совсем не эльфийка – ростом не вышла, да и кожа не белоснежная, а как оливка недозрелая!» – зло подумала Вальса, почему-то раздражаясь и на себя, и на прекрасную даму.

Та тем временем почти вплотную подошла к девушке, все еще стоящей в дверях.

Глядя на невысокую незнакомку сверху вниз, Вальса ненароком встретилась с ней глазами и в ее взоре уловила... вину и жалость! Но не успела она еще осознать это, как в следующее мгновение молодая женщина быстрым движением накинула на лицо кружевную мантилью, полностью отгородив себя от взгляда девушки.

« – Что, ради Светлого, вообще здесь происходит?!» – от этого, пойманного невзначай взгляда незнакомки, все уговоренные и успокоенные были страхи, всколыхнулись, а стук закрываемой за спиной двери и скрип дядюшкиного голоса, только усугубили положение.

– Сначала заставляешь ждать себя, а теперь еще торчишь столбом в дверях битый час! – недовольно поджимая губы, проскрипел он. – Где тебя воспитывали? А-а?

– Сначала в деревне, а потом в военной крепости... когда мама умерла... – от такого «доброго слова» девушка совсем растерялась и ответ ее прозвучал сбивчиво и невнятно. – Мы ж от вашего младшего внука приходим... кажется. У нашей семьи ни замка, ни родового поместья нет.

– Оно и видно. Похоже, из благородного в тебе только фамилия предков и осталась! Причесана как крестьянка, походка как у солдата, да и имя какое-то странное – Вальса! Хорошо хоть не Вишнянка или Леснянка какая-нибудь! – все больше расхотелся в своем раздражении родственник, повышая голос.

– Меня, вообще-то, Вайлинсэль зовут... – девушка попыталась тихонечко оправдаться, сама, тем временем, недоумевая: « – И почему я вообще его так раздражаю? Он же сам согласился на мой приезд!»

– Что?! – скрип дядюшкиного голоса преобразовался в пронзительный скрежет. – Это что еще за дурость такая?! Девчонку из человеческого захудалого рода эльфийским именем называть?!!

– У мамы в роду темные эльфы были! – вскинулась Вальса, защищая родных и даже забыв от негодования все свои страхи.

И хотя сама она всю свою недолгую жизнь и недоумевала, как это родителей угораздило ее таким нелепым именем назвать, но сейчас бы этого ни за что не признала! « – Ни-ни! Только не перед противным и злым дядюшкой!»

– Так – та-ак... – меж тем, протянул тот, вдруг неожиданно успокаиваясь и впиваясь в нее взглядом. – Ну-ка, подойди поближе, – и поманил рукой, показывая на стул перед собой.

Почти физически чувствуя на себе его ошупывающий взгляд, девушка двинулась к столу. Но стоило ей подойти ближе, как раздался грозный рык, а из-за дядюшкиного кресла стал подниматься темный силуэт собаки. В испуге она замерла, настороженно глядя на выдвигающуюся тень.

В тот момент, когда собачья голова оказалась на свету, все страхи, что еще несколько минут назад считались необоснованными, тут же выпрыгнули наружу с криком: «Мы были пра-авы-ы!», вгоняя Вальсу в ступор и пуская по ее спине целый табун холодных мурашек, потому что... это была вовсе не собачья голова!

Это был человек... мужчина... вроде как... – обросший, со спутанными космами нестриженных волос, он рычал, как настоящий волкодав на зверя. А то, что при этом он выставлял вперед почти человеческие зубы, а не настоящие собачьи клыки, делало его вид еще более жутким. Слюна из оскаленного рта липко тянулась по нечесаной бороде. Глаза же под нависшими бровями были черны, без какого-то ни было проблеска белков, а вместо зрачков тлели красные искры.

Рыча, он продолжал стоять на четвереньках, упираясь в пол сжатыми кулаками. В ритм с рокочущими хрипами его широченная грудная клетка раздувалась и опадала, а мышцы, переживавшие плечи, напрягались, становясь похожими на шевелящихся змей. И весь он был как хищник, готовящийся к прыжку.

Была ли на нем вообще хоть какая-нибудь одежда – неизвестно, виден был только голый торс, но при данных обстоятельствах это вводило Вальсу не в смущенье, а в еще больший страх.

« – Ой-йой-йошенки-и! Милостивый Светлый, убереги меня от Зла и демонов его...» – молитва сама собой пролилась в ее мысли, обволакивая мягким бальзамом страхи и не давая отключиться сознанию.

– Тихо, Мэт, – произнес маг, похлопав чудище по голове, как обычную борзую, – не стоит пугать нашу девушку – она у нас кровь от крови темных эльфов! – улыбнулся дядюшка, выдавая эту довольно странную фразу.

Улыбка, растянувшая губы мага, однако, не затронула глаз и оставила взгляд по-прежнему холодным и цепким, что сделало его лицо по-особенному жутким:

– Садись, – махнул он другой рукой Вальсе.

Дождавшись, пока кошмарище, недовольно урча, уберется за кресло хозяина, она на дрожащих ногах сделала пару шагов и рухнула на предложенный стул.

– Мэт уже зим сто меня охраняет. Он, конечно же, не вполне удачно сработал... но теперь, я думаю все получится... – как-то отстраненно пояснил дядюшка, вперив очередной оценивающий взгляд в нее. – А ты его не бойся – он опасен только для тех, кто зло против меня замыслил. Ты же ничего плохого не задумала? – продолжая неестественно улыбаться, спросил он.

– Не-ет, дядюшка... – проблеяла, как смогла, непослушным языком Вальса.

Привычное раздражение расплылось по лицу мага, стирая придуманную улыбку и вызывая облегченное «Уф!» в мыслях девушки: « – Уж лучше пусть так, без этой устрашающей ухмылки!»

– Я тебе не дядюшка! – уже в привычной для него манере, проскрежетал маг.

– Де... – попыталась исправиться она.

– И уж тем более не дедушка – мы слишком дальние родственники! Так что изволь оставить все эти обывательские определения и впредь называй меня господином магистром! – «прогавкал»... эээ, дальний родственник.

От более привычного поведения...эээ, господина мага, Вальсу немного попустило, и она осмелилась спросить о том, что ее интересовало уже несколько дней:

– А позвольте узнать, господин магистр, чем я вас постоянно раздражаю? Что я делаю не так?

– Ты, меня раздражаешь?! – удивился маг, дернув бровью и уставившись на нее, как на какую-нибудь букашку-таракашку, притом не кусачую, а так – просто противную. Потом задумался и произнес:

– Хм... ладно, я тебе скажу, что не так. Почему бы и нет? Но, через пару минут, – сказав это, он поднялся из-за стола, за которым сидел, и подошел к другому, тому самому, с десятком узкогорлых склянок.

Бросив туда, вслед магу, более внимательный взгляд, Вальса разглядела еще и подставку с крученой трубочкой, и металлический кубок, в который с конца той завитушки равномерно капала черная жидкость.

Господин маг взял этот кубок в руки и долил туда понемногу из разных бутылочек, побормотал что-то, склонившись над ним, и направился к девушке.

– Пей! – велел он, поднося металлический бокал к самым губам Вальсы. Придавленная его тяжелым взглядом она не смогла отказаться, проглотив в три глотка горьковато вяжущую жидкость.

Удостоверившись, что емкость пуста, господин маг вернулся к своему креслу. А когда он уселся, девушка в первый раз со дня знакомства с ним увидела на его лице расслабленное и удовлетворенное выражение.

– Ну, так вот... ты спрашивала, чем же меня так раздражаешь? С одной стороны ничем – лично до тебя мне нет никакого дела. С другой стороны – всем! Я давно искал парня, обладающего даром, и не находил такого, что б удовлетворял моим требованиям. А тут твой отец, уже много зим как, пытается всучить мне тебя – молоденькую девицу. А время-то поджимает – пришлось брать, что есть!

– Какое время... для чего время... чего брать? – с вновь нахлынувшим страхом спросила Вальса, чувствуя, как холодеют руки и ноги.

– Не перебивай, а то не успеешь дослушать – уже скоро! – оборвал ее лепет господин маг, заинтересованно вглядываясь в нее. – Дав согласие на твой приезд, я поставил условие, что б тебя сопровождали братья. Их всего сколько? Трое, кажется?

– Угу, – кивнула Вальса, чувствуя, что холод добрался до коленей и локтей.

– Во-от, а твой папаша прислал всего одного! Разве не повод для раздражения? – продолжал разглагольствовать чем-то довольный дальний родственник.

– Зачем вам нужны мои братья?

– Была надежда, что раз у тебя такой сильный Дар, что пугает даже близких, то и у одного из парней может оказаться хотя бы искра его, которую обычный человек и не разглядит. А я бы мог ее раздуть, так сказать, усилить... но, тот единственный мальчишка, что приехал с тобой, оказался совершенно пуст, как выжаренная пивная кружка, забытая на солнце! Вот, кстати, тебе еще один повод к недовольству! А ты выглядела такой худой и слабой, что я вас обоих чуть не отослал сразу же домой со злости – хотя это и ломало все мои планы. Но, когда я на это, было, решился, узнал от прислуги, чем вы занимаетесь целыми днями. И на следующий день взглянул-таки сам, рискнув выйти днем на улицу. И не пожалел – на ристалище, с оружием, ты была великолепно! Подобающих твоему имени приличных манер тебе, конечно, не привили, но сражаешься ты, как и подобает знатному воину! А теперь я узнаю, что в твоей родословной еще и эльфы были! – воскликнул он, потирая руки.

– Что со мной происходит? – еле ворочая застывшим языком, спросила Вальса, уже плохо улавливая, о чем говорит ее собеседник. – Мне плохо гос... маг... – из последних сил прошептала она.

На что он отреагировал весьма бурно – подскочил к ней и, схватив за подбородок, вывернул ее лицо к свету:

– Так-та-ак, а ничего и не происходит, и все совсем не плохо, а очень даже хорошо! – ответил странный родственник, но как бы вроде и не Вальсе, а самому себе.

А в этот момент девушка боролась с все усиливающимися дурнотой и слабостью. Руки и ноги ее уже совершенно не слушались, голос господина мага звучал гулко и бил по ушам, а его лицо, маячившее перед глазами, стало расплываться.

Вдруг, как тогда в детстве, когда пришло первое проявление злосчастного Дара, на нее надвинулась густая и глухая чернота.

« – А почему «как»? » – пронеслось в голове. С чего это ей вдруг придумалось, что она девушка пятнадцати зим? Она ж маленькая еще совсем, пришла коняшек поглядеть, а их за дверками и невидно. Она только свечку подняла повыше, а тут все загорелось!

Лошадок жалко-о-о-о... и кто-то так громко кричит: « – Коники! Коники! »...

ГЛАВА 1

Настанет день... В Мир вернуться смерть, ужас и грязь... тогда Судьба соединит Детей Темного... трижды... одним... Он станет Тем, Кто Следует Впереди. Она его Парой... проснется Дракон... и возродится Надежда. За Первым всадником последуют Восемь... кровь Восьми одна на тысячу тысяч. И только Пара каждого, данная Судьбой, укрепит тело и исцелит Душу... они оплот Первого... он их... единение... и возрадуется Мир узрев спасение!

Древнее пророчество неизвестного Оракула
записано на каменной скрижали, частично утрачено,
храниться в Обители Светлого, что в Валапийской
долине

День клонился к вечеру.

Солнце, закончив своё полуденное самолюбование, неохотно продвигалось к горизонту, постепенно оставляя небо вечерней дымке. Но, пока не пришло его время полного заката, оно, видимо еще лелея какую-то надежду на возвращение, притаилось в верхушках елей. Отчего стрелы его лучей, уже не сияющие, как в полдень, а просто тепло-золотистые, клали причудливый веер из света и тени на древнюю дорогу, стелющуюся между деревьями.

По дороге той, неспешным шагом двигались два всадника.

Мерная поступь лошадей не мешала им вести беседу. То и дело слышался веселый смех. Наверное, они были друзьями или близкими родственниками.

Хотя... если чуть более пристально приглядеться к ним, и не брать во внимание темные волосы обоих, то становилось понятно, что родства между ними, скорее всего, и нет.

Старший из путников, был широк в плечах и, кажется, неимоверно высок ростом. Он носил коротко стриженные волосы и вровень им небольшую, скорее похожую на многодневную щетину, бороду. А лицо его, несмотря на ранний весенний месяц, покрывал вполне летний загар, настолько темный, какой бывает только у людей, проводящих все лето на открытом воздухе.

В общем-то, можно было бы назвать этого мужчину симпатичным, если бы резковатые черты, с ярко выраженными скулами, тяжелыми бровями и вечно прищуренными янтарного цвета глазами, не выдавали так явно угрозу в его натуре. И даже в тот момент, когда улыбка, как сейчас, скрадывала жёсткость черт, самый наивный простачек не посчитал бы его за безобидного человека.

Двигался же он так, как часто двигаются люди с хорошо тренированным послушным телом – сдержано, с нарочитой медлительностью, не скрывающей, а скорее проявляющей в каждом его жесте силу и грацию.

Его молодой спутник, наоборот, отличался от него порывистостью в движениях и совершенно не собиравшись сдерживать бьющую через край энергию. Он много и широко жестикулировал, отчего его длинные волосы, подхваченные ветерком, отлетали назад, открывая черно-серебряную татуировку, спускающуюся с правого виска по скуле до самой шеи.

Молодой человек спохватывался и привычным жестом, пропустив сквозь пальцы укороченные у лица пряди, натягивал их на рисунок. Не нравилась она ему, что ли, или он ее стеснялся? При этом он не выглядел ни манерным, ни особо стеснительным.

Лицо парня так же разительно отличалось от лица старшего друга, как и манера поведения. Кожа белая, гладкая, а черты более правильные, без резких углов, но под юношеской мягкостью и неопределенностью уже проглядывали аристократические линии. Глаза же были ярко синие, очень красивые и широко распахнутые, «цепляющиеся» за все, что попадалось по дороге, с неподдельным интересом.

С виду ему, можно было дать зим двадцать, может чуть больше, и свойственные его возрасту бесшабашность и непосредственность так и сквозили в каждом движении. Впрочем, крепкая спина и как у воина хорошо развитые плечи и руки вполне соответствовали физической форме взрослого мужчины.

В поводу каждый из всадников вел еще по одному коню.

Пристегнутая к седлу старшего из путников лошадка явно была вьючной. Ее покорный вид и неказистые стати давали с первого взгляда понять, что на большее эта кляча и не годиться, что и подтверждали притороченные к ее спине мешки с какой-то поклажей.

За степенным мерином его спутника, на удлиненном поводу, следовала изящная черная кобыла под седлом, но вместо всадника на нем громоздились оружие и какой-то тючок, а через круп, почему-то, были переброшены сапоги, связанные за голенища. Эта лошадь была хороша и ухожена, все в ней говорило о породе: и тонкие красивой формы ноги, и гибкая шея, и вытянутая голова с маленькими острыми ушками, которую она периодически скидывала, натягивая повод.

Было понятно, что животное любимо своим хозяином, где бы он сейчас не находился, и, по всей видимости, баловано. Кобылка, ни в какую не хотела послушно следовать на привязи наравне с вьючной одрицей, и совершенно не слушалась окриков молодого всадника, которые он периодически кидал в ее сторону, когда ему надоедали лошадиные взбрыки.

Возможно, нервное животное волновала птица, кружащая над ними...

Но, как ни странно, путники совершенно не обращали на нее внимания, продолжая спокойно перебрасываться шутками и смеяться. Хотя не заметить громадное, черное, издающее резкие гортанные крики создание было невозможно.

Вдруг грозная птица, последние несколько минут кружившая над самыми верхушками деревьев, взмыла высоко вверх и, сложив крылья, ринулась вниз на беспечных всадников. Тут уж они не смогли проигнорировать явное нападение и остановились. Но вместо того, что бы выхватить мечи и приготовиться отбивать атаку, они переглянулись насмешливыми взглядами и обернулись, в ожидании чего-то, глядя при этом на строптивую кобылку.

И точно, крылатый агрессор, не пытаясь нападать на людей, в нескольких саженьях от земли со звучным хлопком расправил крылья и по пологому кругу стал пикировать, метя именно на эту лошадь. Неожиданно та успокоилась и замерла.

При близком рассмотрении стало понятно, что грозная птица не орел, не лесной ястреб, а просто очень крупный ворон. Хотя при таких размерах и его можно было бы остеречься.

Тем временем птица зависла над седлом приглянувшегося ей животного и вдруг исчезла, как будто растворившись в сгустившемся и потемневшем облаке. Через мгновение водоворот

из мутного, как дешевое бутылочное стекло, воздуха и черного тумана распался, а в седле, почему-то задом наперед, появился молодой мужчина. Он был совершенно голый и при этом весело смеялся.

– Видали?! – вроде как, похвалился он.

Младший из всадников, вторя ему смехом, явно поддержал его:

– На этот раз почти получилось!

Старший же, выразительно глядя на голый зад вновь прибывшего, спросил:

– Ничего не отбил?

– Не-а! – весело отмахнулся от него парень и, перекинув через круп лошади ногу, спрыгнул на землю. Стащил с седла тючок, который оказался сложенной одеждой, размотал его и стал одеваться. Быстро натянул рубаху, чуть-чуть помучился со штанами, попрыгав по дороге на одной ноге, а расшитый золотой нитью бархатный камзол и плащ вообще вернул на прежнее место, перекинув их через седло. Затем, взяв сапоги, плюхнулся прямо в придорожную молоденькую травку и принялся их натягивать.

Видимо понимая, что товарищи ждут от него известий, он, продолжая сражаться с сапогами, начал говорить:

– Значит так, в паре верст впереди деревня, дотемна, всяко, доберемся...

– И за этим стоило лететь? Я давно уже чувствую, что невдалеке человеческое жилье, – насмешливо прервал его старший, сделав характерное, почти неуловимое движение носом, как будто принюхиваясь.

– Тай, вот всегда ты так! Зачем перебивать человека на полуслове? Мы все в курсе твоих способностей, а я только подхожу к самому главному! – немного обиженный, что его прервали, Ворон сделал паузу, во время которой поднялся и начал ходить вперед-назад, притопывая ногами, как будто на нем была не ношенная-переносная обувь, а новая и неудобная.

Старший из всадников, которого он назвал Таем, спокойно и насмешливо взирал на него как на капризного ребенка, а вот младший не выдержал:

– Коррах, ну хватит уже, рассказывай, что там!

– Ладно, – и белозубо улыбнувшись, как бы давая этим понять, что все его выкабенивания просто шутка, продолжил: – Да, жилье не далеко, но дело в том, что это деревня, а ближайший город далеко за рекой и туда до ночи мы точно не успеем. Но ведь по карте за этим лесом должен быть город, Малые Лужцы! Выходит, мы сбились с пути еще два дня назад в Озерищах. Или утром, когда на Главный тракт выезжали? – и, подняв голову на возвышавшихся над ним друзей, спросил: – Что делать будем? Поехали в деревню, поедим, переночуем, а-а?

Старший, ничего не ответив на это, обернулся к молчавшему парню с татуировкой:

– Вик, что скажешь?

Тот, выйдя из задумчивости, обратился, тем не менее, к Ворону:

– Корр, а в той деревне ты случайно не заметил, есть каменный храм и пожарная вышка?

– Есть, – кивнул тот.

– Значит это город.

– Да ладно! Быть не может?! Там одна улица, и та вдоль дороги. Стен защитных нет, даже вала с частоколом! Какой же это город?! – возмутился Коррах.

– Мой предок, который учредил королевскую почтовую службу, в те же года повелел все деревни вдоль Главного тракта считать городами. А для придания им внешнего вида, соответствующего новому статусу, в каждой из них построили каменный храм и пожарную вышку. Там и почтовый двор есть обязательно, просто не зная, что он там есть, ты его не высматривал, – разяснил молодой человек и, чуть помолчав, добавил: – А стен нет, наверное, потому что они им не нужны. Живут себе в центре страны, в пяти днях пути от столицы, от кого им защищаться? Крепостными стенами окружены города, которые стоят со времен Смут или от

эльфов достались. А почтовое управление создавалось уже гораздо позже, и защитными сооружениями никто не озаботился.

– М-м, ну, тебе виднее. Ты же у нас Высочество, – вроде как согласился с парнем Ворон и, задорно подмигнув друзьям, продолжил: – Я, может, почтовую службу и не разглядел, но вот трактир заприметил. Большой такой трактир, там, наверное, и комнаты имеются для проезжающих.

– Ладно, хватит рассусоливать, – подытожил затянувшийся диалог Тай. – Солнце почти село, поехали, в трактире все и уточним, сбились мы с пути или нет. А то уже и, правда, жрать охота, – и, пришпорив своего громоздкого коня, поскакал в сторону городка.

Тот, которого называли Виком и Высочеством, отвязал веревку, удлиняющую повод красивой кобылки, перекинул ее в руки Ворона и ринулся догонять старшего приятеля.

А Коррах не спешил.

Зачем? Он прекрасно знал, что его легконогая Красотка запросто нагонит тяжеловатых и не обладающих горячим нравом мерин. Он подошел к ней, потрепал по гриве, чмокнул в морду, приговаривая при этом всякие глупости, что-то вроде:

– Наш принц опять обижал девочку, за поводочек дергал, плохие слова красавице говорил... – а кобылка, как будто понимая его, отвечала тихим ржанием и покачивала головой.

Вдоволь наобнимавшись, Ворон неспешно надел камзол, пояс с ножнами, плащ, перекинул через плечо лук и колчан со стрелами и, только после этого, взобрался в седло.

Красотке не надо было ничего говорить, умная лошадь и так знала, чего ждет от нее обожаемый хозяин. Только уздечка оказалась в руках Корраха, она сорвалась с места и полетела, почти не касаясь копытами камней древней дороги, полностью оправдывая ожидания от своей породистой внешности.

К трактиру они подъезжали в сумерках, именно в те волшебные минуты, так ценимые опытными магами, когда ночь, уже стоя на пороге Мира, еще не успела сделать последнего шага и накрыть все вокруг своим черным покрывалом. На западе пока еще догорает закат, бледным всполохом сияясь высветить из-за горизонта почти отвоєванные у него просторы, а на востоке, уже чувствуя свою силу, ночная мгла подняла, как флаг, серебряную луну и бросила первую россыпь звезд.

От этого последнего уже не равного противостояния, прозрачный воздух густеет, становясь сизой дымкой, а звуки, даже тихие и невнятные, приобретают небывалую для них силу.

Но в этот вечер таинство магического момента и блаженное успокоение природы было нарушено громкими воплями и явно пьяным нестройным пением. Уже на подъезде к городку стало понятно, что в придорожном трактире много народа и он, народ этот, спать пока не собирается.

Друзья сначала хотели было вернуться на опушку леса, но их путешествию пошел уже шестой день, и за это время вкус бивуачной жизни успел-таки приестся. Животы их настоятельно требовали нормальной пищи, а бока – хоть какого-то подобия нормальной постели. Поэтому было решено все-таки ехать в трактир, а там уж посмотреть...

Двор, в который они свернули с дороги, был почти полностью заполнен лошадьми. Они были привязаны и к коновязи – с двух сторон от крыльца, и к фруктовым деревьям, росшим здесь же, и прямо к доскам забора.

Обнадеживало то, что голосистые пьянчуги, расположившиеся сейчас в зале трактира, по всей видимости, не собирались оставаться на ночь. Хотя... конюшня, способная вместить такое количество лошадей, вряд ли предполагалась в заведении столь маленького городишки.

Подъехав к самому крыльцу, путники стали спешиваться, оглядываясь, куда бы можно было пристроить своих коней.

Тут, откуда-то сбоку, куда не доставал свет фонарей, висевших над ступенями, из дальнего угла обширного двора вынырнул невысокий человечек и неровной прихрамывающей походкой направился к ним.

Когда он вошел в высвеченный лампами круг света и друзья смогли его разглядеть, они оторопели: он был горбат и кособок, но малый рост того был не от этих физических недостатков, по крайней мере, не полностью. Кроме горба и явно искривлённой ноги, он имел широкие плечи, развитый торс и мощные руки.

– Ты гном?! – ляпнул Ворон и тут же смутился, поняв, насколько грубо прозвучало его невольное восклицание.

– Был когда-то... – невесело усмехнулся тот, – гном, попавший под каменный обвал. Хе-хе! Вы представляете такое? Воот... меня хоть и выходили, но позору такого перенести я не смог, ушел от своих. С тех пор и живу среди людей.

– И как? Тяжело, наверное? – вступил в разговор Тай, присаживаясь на корточки, чтоб не угнетать собеседника своим ростом.

– Да я привык, чай не одну уж сотню зим мыкаюсь, – уже вполне бодро ответил ему гном. – Каждый годков тридцать перебираюсь на новое место. В основном по тихим местечкам обитаю, в большие города не хожу. Люди по таким вот деревням да городкам простые живут, необразованные, Миру не видевшие. Я в их глазах просто калека – кто пожалеет, а кто и пнет. А какого я роду-племени никто и не интересуется...

– Ты, мил человек, вот говоришь, не один век странствуешь, но ведь для вашего племени смерти подобно вдали от гор-то жить. Не думал вернуться? Родные, я думаю, обрадуются, да и позор твой давно уж забылся, наверное, – продолжал гнома сочувственно расспрашивать Тай.

– Все правильно говоришь господин, да только если уж по молодости не вернулся к своим, то уж теперь и подавно не стоит, старый я для дальних путешествий. Шестая сотня мне пошла уже.

– Ну, для гнома это не такой уж и почтенный возраст. Ты скажи, может помочь надо? Деньгами, или еще чем? – продолжал уговаривать гнома старший из путников. Чувствовалось, что судьба того затронула Тая за живое.

– Да не-е, деньги-то у меня есть, я ж работаю как-никак...

– Ну ладно, если захочешь в горы вернуться, аль еще какая помощь понадобится, найди меня. Запомни, в Королевских Холмах погребок есть питейный «Вебрь и Козочка», что в переулке рядом с Торговой набережной. Меня там все знают как Тая Пустынника. И если спросишь меня, всегда тебе скажут, где я, и до меня донесут, что спрашивал.

– Думается мне, мил господин, что ты тож далеко от родных мест, да вот, прижился на чужбине, среди людей-то. Что ж сам не возвернёшься до дому? – спросил его гном, прищурившись, глядя на него. Тай хмыкнул на это:

– Да, вот ведь дело какое, мой-то дом гораздо дальше твоего, и я точно знаю, что меня там никто не ждет. Что мне там делать? А ты проникательный!

– Я ж ведь гном все-таки и нутро твое чувствую настоящее, господин. А остальное опыт жизненный подсказывает, – с усмешкой сказал калека и, сделав паузу, кинул коротко Ворону:

– И твое нутро тож чувствую, чернявенький господин.

Тот засмеялся, сверкнув белоснежными зубами на смуглом лице, и спросил:

– А зовут-то тебя как, чувствительный?

– Да Лошадником кличут... а бабоньки иногда жалостливо – Каличкой... – со вздохом ответил гном.

– Это не гномьи имена, а человеческие прозвища. Как раньше-то звали? – продолжал расспрашивать Корр.

– Фейрум я, из рода Сапферойских, – как о чем-то незначительном, пожав плечами, произнес свое настоящее имя тот.

– Эге! Да ты из знатных! А что ж к нам тогда – все господа, да господа...

– Привык я. Уж сколько зим конюхом простым обретаюсь. Сначала-то, конечно, кузнечным делом хотел заняться, да не смог – душа сильно болела, как за молот брался. А лошадки-то, они все ж твари живые и к добру чувствительные, с ними вот душе моей не так тоскливо и становится, – тяжело вздохнув, покачал головой гном.

Но помолчав с пол минутки, продолжил уже другим тоном:

– Ладно, господа хорошие, спасибо вам на добром слове, а теперь пора и делом заняться. Давайте коней ваших, устали они. И не извольте беспокоиться, лошадки меня любят, а я уж сам – и распрягу, и оботру, и овса отсыплю – все сделаю, – и, подхватив в каждую руку по два повода, прихрамывая, направился в тот темный угол, откуда, давеча и появился.

Пройдя пару сажень, вдруг обернулся и, притушая голос, сказал:

– Там, – кивнул головой в сторону трактира, – сегодня гуляет Мельничихин Графич, скотина он изрядная, а когда пьяный – вообще зверюга. Вы в общей зале не задерживайтесь, пройдите до дальней стены – там две комнатки отдельные имеются... – и, шаркая ногами, удалился.

Как ни странно лошади не стали возражать, что их повод в руках чужого человека. Даже строптивая Воронова кобылка, умиротворенно опустив голову, последовала за ним.

Впрочем, чего ж здесь странного? Все знают, что хотя в обычной жизни гномы почти и не пользуются лошадой, но если в силу сложившихся обстоятельств сталкиваются с ними, то почему-то именно они, а не люди или эльфы, быстрее находят «общий язык» с ними.

– Повезло трактирщику с конюхом, – высказал вслух общую мысль принц, глядя вслед мерно раскачивающимся хвостам.

– Ага. Интересно, а он сам-то понимает, насколько? Любой герцог, иль король даже, полновесный золотой отвалил бы, что б в его конюшне гном заправлял. Только их ведь обычно из горы не выманишь, – поддакнул Ворон.

– Скажите, уж, что они среди людей вообще плохо приживаются. Фейрум – редкий случай. Все, пошли внутрь, – закончил, может и интересный, но совсем несытный разговор Тай. И, ухмыльнувшись со словами: – Будем надеяться, что этот трактирщик готовит так же хорошо, как нанимает конюхов, – направился к двери.

Войдя в общую залу, друзья, по совету гнома, не стали усаживаться за стол в ней, а направились к дальней стене, где виднелись два проема завешанных тканью. Бросив только беглый взгляд по сторонам, им стало понятно, насколько полезным был совет местного конюха.

Справа три стола были составлены в один. На нем неровно громоздились тарелки и миски с едой. Горы пирогов и ломтей хлеба были свалены на уже грязную скатерть вперемешку с костями и объедками. Поверх же этих неаппетитных завалов, вкривь и вкось, стояли кувшины с пивом и бутылки с самогоном, часть которых уже пустыми валялась под столом, вместе с черепками битой посуды.

Вокруг же этого безобразия, пьяные, расхристанные и неопрятные, сидели полтора десятка мужиков. Еще пяток этих безобразных личностей валялись на лавках и под тем же столом.

Шум стоял неимоверный. Кто-то из пьянчужек пытался петь нестройными хриплыми голосами, кто-то – говорить, не слушая и перекрикивая собеседника. А над всем этим возвышался огромный рыжий детина и призывал поднять кружки за свое здоровье.

Слева же от прохода также стояли три стола, но, по отдельности, в рад.

За одним из них сидели, уткнувшись носами в тарелки и быстро работая ложками, трое служителей Светлого, видимо низшего ранга, раз не смогли позволить себе отдельную комнату. А может, это из положенного их сану смирения, они стоически выносили соседство похабной компании. Но по какой бы из причин они тут не находились, все же капюшоны своих белых рясов служители так и не сняли, и явно старались побыстрее насытиться.

За другим столом расположились четверо мужчин. Трое из них были одеты добротно, но скромно. Один же, отличался от всех более дорогой и безвкусно-яркой одеждой, как одеваются недавно разбогатевшие торговцы, каковым он, скорее всего, и являлся. А остальные, значит соответственно, были его приказчиками или охраной.

В тот момент, когда друзья переступили порог, эта компания уже расплачивалась, готовясь уйти.

Купчик, видимо из привычной жадности, пытался торговаться, и спорил с бойкой девицей, нависшей над их столом. Тем не менее, он то и дело оглядывался на буйных соседей, и было заметно, что любимое дело сегодня его не увлекает.

Когда наши путешественники, уже отдернув занавеску, заходили в комнатку, он, все-таки решив, что нынче будет безопасней не торговаться долго, кинул на стол несколько монет и ринулся вверх по лестнице туда, где, наверное, располагались помещения для проезжающих. Его спутники скоренько последовали за ним.

Штора из плотной тяжелой ткани отгородила друзей и от самой общей залы, и даже, кажется, притушила громкий шум, доносившийся оттуда, сделав невидимым его источник, а потому обезличив и успокоив привлекаемое к нему внимание.

Комнатка же, в которой ни оказались, была мала – в ней помещался только стол и две лавки по бокам. С потолка свешивалась лампа, еле горящая маленьким огоньком – по-видимому, рачительные хозяева в отсутствие посетителей экономили. Так что первым делом путники прибавили пламя в светильнике и уже в ясном свете оглядели комнату более пристально.

Ничего так. Стены ее оказались свежепобелены известью, на окошке пестрели занавески с оборками и на подоконнике стоял расписной горшочек с цветущей геранью. Стол же тщательно выскоблен, а лавки накрыты стегаными покрывальцами. Все было чистым и по-деревенски обстоятельно ухоженным. Появилась надежда, что, несмотря на nepотребную компанию по соседству, сам по себе трактирчик вполне приличный, и можно будет ожидать достойной трапезы.

Стали рассаживаться.

Самый младший нырнул на правую лавку, вглубь к самому окну, привычно выбирая место так, что бы татуированная сторона лица была обращена к стене. Рядом с ним присел Ворон, а Тай расположился напротив. Отстегнув мечи, далеко их убирать не стали, положив на лавки рядом с собой. Это и понятно, при таком соседстве надо быть настороже. А вот свои лук и колчан Корр поставил в угол – все равно при заварухе в помещении они не помощники.

Только расселись, как штора отодвинулась и в комнатку вплыла девица, та, что давеча препиралась с купчишкой в зале. Не юная, но еще вполне свежая, она, споро расстелив ска-терть, стала перечислять, чем может попотчевать дорогих гостей.

Пока звучал ее голос, а губы произносили слова, шаловливые глазки девушки, выразительно стреляли в сторону Корра.

Ну, а кого же еще? Вик старался не высовываться из полутемного угла, и даже при всем желании, рассмотреть его было невозможно. А Тай со своими насупленными бровями и аурой дикого зверя, скорее отпугивал от себя легкомысленных милашек, чем привлекал.

В отличие от них Ворон всегда старался быть на виду, а белозубая улыбка почти никогда не сходила с его лица. Внешне – отменный красавчик: ладная фигура, шапка крупных с сизоватым отливом черных кудрей, темные же, как ночь, блестящие глаза. И даже крупный нос с легкой горбинкой не портил его лица, вполне органично вписываясь в носимый им образ чересчур броской и щедрой мужской красоты. Прибавьте к этому еще и весьма подвешенный язык, и вы получите полное впечатление о нем.

Друзья уже привыкли к тому, что где бы они ни появлялись, именно Корр привлекал внимание всех особ женского пола – они тянулись к нему, привлеченные и яркой внешностью, и сияющим жизнелюбием. Ворон мог очаровать, с равным успехом, и пятилетнюю девчушку,

потерявшуюся в базарный день, ревушую от растерянности и страха, и древнюю бабульку, торгующую там же яблоками, которая, уже после минуты общения, начнет угощать его своим товаром.

Что уж говорить о юных девах и гораздо более зрелых, но еще не отцветших, женщинах? Они, как пчелки на цветок, слетались отовсюду привлеченные его улыбкой и, незнакомим устали от комплиментов, языком. Для каждой женщины он находил именно то заветное словечко, которое хотели услышать ее ушки. И никогда не ошибался... почти...

Так что, зная его натуру и привычки, приятели не сомневались, что если пустить на самоотек ситуацию с флиртом трактирной красотки, то ожидание ужина может затянуться на неопределенное время. А есть то хотелось, и очень.

А она, тем временем, уже полностью привлекла к себе внимание Корра. Глазки ее масляно поблескивали, выразительно ощупывая широкие плечи и смазливое лицо Ворона, а маленькая грудь учащенно всколыхивалась в чуть более открытом, чем положено, вырезе платья. И уже ни косыночка, скромно прикрывавшая волосы, ни смиренная поза с благолепно сложенными руками не могли скрыть, что девица, та еще плутовка.

Пора было вмешаться:

– Хм – хм... – привлекая к себе внимание Корраха, прокашлялся Тай.

И когда тот, все же оторвал взгляд от подавальщицы и воззрился на него, выразительно вздернул бровь, давая понять, что все происходящее, как бы, не вовремя...

Ворон кивнул и, улыбнувшись девице, чтоб не упустить обещанный десерт, все же решил разобраться с основной проблемой, из-за которой они здесь оказались:

– Не надо перечислять, милая. Просто неси все, что там есть на вашей кухне такого же аппетитного, сочного и горячего, как ты, что способно насытить больших и голодных мужчин, – сказал он, при этом глядя на нее, как кот на сметанку.

Девица вдруг весьма мило, но неожиданно, покраснела от таких неделикатных комплиментов и сопровождающего их взгляда. Схватившись за вспыхнувшие щеки, она так резко крутанулась на каблуке, что ее верхние юбки высоко взлетели, открывая простенькое кружево нижних, и вылетела из комнаты.

– Уж больно нахрапом попер ты на девушку... – со смехом в голосе, попенял приятелю Виктор.

– А кто ж знал, что она стеснительная, при таких-то бля..., – он запнулся, взглянув на младшего спутника, – ... шаловливых глазках. Я, вообще-то, редко ошибаюсь...

Заметив паузу и оговорку Корра, принц усмехнулся:

– Что да – то, да! И, кстати, можешь выражаться, как тебе угодно! Мне давно не семь, а ты не мой наставник, и, пока не доберемся до королевского дворца, я даже не принц, – после этой его тирады они все втроем переглянулись и весело расхохотались.

В эту минуту штора распахнулась, и в комнатку ступил представительный мужичок в белом фартуке. Ростом он был весьма невысок, но поварской колпак и довольно увесистое пузико вполне компенсировали этот недостаток.

За ним проскользнула уже знакомая девица с подносом. На нем стояли глиняные кружки и кувшин, в которых крупнопузырчатая пена пучилась шапкой, и, при каждом движении девушки, вздрагивала и норовила сбежать.

– Доброго вам вечера, господа, – проговорил мужичок, при этом он выразительно глянул в зал, трагически сведя брови, как бы извиняясь, что не в его силах сделать данный вечер достойным оглашенного пожелания. – Я папаша Лайсо Лес, хозяин этого заведения. Предлагаю отведать достопочтенным господам моего пива. Лучшего вам не предложат на всем Главном тракте! – горделиво изрек он, но потом, слегка смутившись, добавил: – Но если господа не потребляют такого, то у меня имеется неплохое винцо.

Коррах, конечно же, не смог удержаться, чтоб не поддеть, скромно стоявшую возле хозяйина, девушку:

– Ну что, красавица, стоит нам попробовать пивка папаши Лайсо?

Девушка тут же снова вспыхнула, смутившись, но быстро справилась с собой и бойко ответила:

– Стоит господин, – и прямо глянув в глаза насмешнику, гордо добавила: – Чай дядюшкиным пивом приезжают побаловаться господа из самого Аргилла, каждую Светлую десятицу! – И, более ничего не уточняя, стала составлять на стол все, что громоздилось на подносе.

В этот момент в проеме двери показался еще один подавальщик, худой и лохматый подросток. Поднос, который он держал в руках, был нагружен в два этажа тарелками и блюдами, исходившими ароматным паром.

Так как встать ему уже было некуда – слева свободное пространство занимал объемный живот хозяйина, а справа пышные юбки девушки, закончившей расставлять перед гостями кружки, парнишка прошел прямо к столу и грохнул на него свою ношу. При этом он ступил в круг яркого света лампы и его вымазанная сажей мордаха, оказалась на всеобщем обозрении. Удивительно, несмотря на грязь и свисающие на нее лохмы давно невымытых волос, она просто завороживала удивительной утонченной красотой.

Папаша Лайсо тем временем начал горделиво перечислять то, что маленький подавальщик составлял на стол:

– Вот господа, рыбка красная под сливошным соусом, с затертым желточком и укропом. А вот уточка в меду с винными вишнями...

Но, несмотря на то, что от подаваемой еды просто божественно пахло, а они были страшно голодны, друзья почти сразу перестали прислушиваться к бормотанию хозяйина и, как завороженные, пялились на мальчишку.

Пропустив все пояснения и к грече с жареным луком, и клубенькам со шкварками, и даже к пирогам с яблоками и корицей, приятели пытались уразуметь, откуда у простого, скорее всего крестьянского подростка, может быть такая необычная внешность?

Они, наверное, еще долго бы гоняли в своих головах несопоставимые факты, портя себе аппетит этой загадкой, но мальчик, поняв, что привлек к себе слишком много внимания, засуетился, и сам невольно выдал подсказку. Заспешив, продвигая вперед по столу тарелки, он наклонился, и замусоленные пряди волос разъехались, открывая острые кончики ушей.

Друзья привычно переглянулись, понимая друг друга без слов – теперь становилось ясно, откуда мальчик унаследовал такую внешность.

Но возникал другой, не менее интересный вопрос, каким веянием капризной Судьбы, в одном месте и в одно время, смогли оказаться и гном аристократической фамилии, и мальчик эльфийской крови? При этом, оба в услужении в деревенском трактире, в самой середине большой страны, в которой и гномов и эльфов можно было встретить, разве что, в купеческих караванах или при Посольских Дворах!

Но понимая, что на этот вопрос они уж точно ответа не получают, и удовлетворившись принятым в таких случаях утверждением, что пути Создателя неисповедимы, друзья принялись-таки за еду. Тем более что предмет их интереса, справившись со своим делом, быстренько улизнул.

Хозяин трактира, видя, что гости дорогие принялись с аппетитом наворачивать его угощенья, так же поспешил удалиться, напоследок, заверив, что приготовит господам самые, что ни на есть, лучшие комнаты.

Когда выскользнула девушка, никто и не заметил.

Насытившись до отвала, допивая остатки пива, приятели нахваливали хозяйскую стряпню и рассуждали, смогут ли они себе позволить поспать лишний часик сутра, если и постельки в этом придорожном доме окажутся, столь же хороши.

За неспешной беседой, на полный довольный желудок, они не сразу заметили, что тональность шума в общей зале изменилась. В уже ставший привычным равномерный гул, свойственный пьяной гулянке, вклинились какие-то новые, настораживающие, звуки. Вроде как, теперь слышались негромкий женский плач и какой-то бубнеж, с паническими нотками.

Друзья прислушались.

– В зале может быть только одна женщина – твоя глазастая подружка, – глянув на Ворона, произнес Вик, озвучив тем самым мысль, уже посетившую всех: – Другая особа женского пола, вряд ли, могла нарисоваться там так поздно вечером.

В этот момент раздался звучный шлепок, сопровождающийся уже не сдерживаемым женским вскриком.

– Какой-то урод бьет девчонку по лицу?! – резко поднялся из-за стола Корр и, набычившись, двинулся к проему. Тай и Виктор, молча, последовали за ним.

Когда, отдернув занавеску, друзья выскочили в залу, перед ними открылась столь неожиданная в своей мерзости сцена, что они на мгновение оторопели.

Посреди комнаты, спиной к ним, стоял совершенно голый давешний эльфенок. Разорванная рубашка и спущенные штаны комом лежали в ногах, опутывая щиколотки мальчишки. Он ссутулился, повесив патлатую головушку, отчего позвонки его хребтинки торчали, как драконий гребень. Руки он держал спереди, видимо, стараясь прикрыть свое хозяйство.

Над ним, согнувшись, возвышался тот рыжий мужик, который требовал пить за свое здоровье, когда они только заходили в трактир. Одной рукой он все также держал пивную кружку, из которой, при каждом его пьяном покачивании, выплескивался самогон, распространяя по комнате, и без того провонявшей всякой гадостью, сивушный дух. Вторую же свою лапу он держал на пылающих ягодицах парнишки, жамкая их с явным удовольствием. Сразу становилось понятно, что звук шлепка был не от пощечины.

– Вот так я учу строптивых девок! – проревел бугай, комментируя свои действия. – Ты, дура, давай сюда платье, негоже моей новой подружке трясти тут перед всеми своими прелестями! – и заржал, расплескивая самогон.

Вокруг, обхватив себя руками, всхлипывая и икая, вторили ему дружки.

Слова эти, по всей видимости, относились все к той же востроглазенькой девчонке, которая совсем недавно флиртовала с Корром.

Девушка стояла здесь же, вжавшись в стену между столами. Зареванная и простоволосая, она протягивала рыжему верзиле свое платье, которое, к этому времени, уже успела снять. Сама же, оставшись только в тонкой рубашке и нижних юбках, прикрывалась косыночкой, снятой с головы, стараясь натянуть явно не предназначенный для этого кусочек кружевной ткани и на голые плечи, и на почти обнажившуюся грудь.

Папаша Лайсо тоже находился здесь. Его руки были заломлены назад, отчего он стоял наклонившись, и его высокий надломленный колпак, свесившись вперед, закрывал ему весь обзор. Он то и дело вскидывал голову, пытаясь смахнуть его, и глухо бубнил – то прося, то уговаривая, то угрожая префектурой своим обидчикам.

Два борова, которые держали ему руки, не слушая его, внимали своему главарю.

Тут один из услужливых пьянчуг, передал платье Рыжему. Тот, отпустив мальчишку, освободившейся дланью ухватил тряпку и снисходительно, с похабной ухмылкой, пообещал девчонке:

– Не реви, дура, в следующий раз я и тебя оприходуя, с такими-то сиськами! А сегодня придется тебе моими парнями довольствоваться! – чем вызвал очередной взрыв хохота и одобрительных криков.

В этот момент и слетело с наших приятелей минутное оцепенение. Они угрожающе двинулись вперед по проходу, вынимая прихваченные мечи и кинжалы из ножен.

Впереди шел принц, а Тай с Вороном по бокам от него в пол оборота, привычно прикрывая спину.

Подойдя к пьяному верзиле и сдвинув в сторону вздрагивающего эльфа, Виктор откинул волосы с виска:

– Отпусти мальчика, – спокойно сказал он и, ожидая ответа, твердо посмотрел тому в лицо.

Это было нелегко, если честно. Насколько не высок был парень, громила возвышался над ним, чуть ли, не на целую голову.

Опустив мутный взгляд, рыжий попытался сфокусировать его на стоящем перед ним человеке и недоуменно протянул:

– Чё-ё?! – было понятно, что этот похабник даже уразуметь не может, что ему кто-то пытается указывать.

– Я приказал тебе, отпустить парнишку, – также спокойно повторил Вик.

Тут, к великану проскользнул щупленький мужичок, который был не так сильно пьян, как остальные, или возможно, просто посообразительнее. Он встал на цыпочки и зашептал что-то тому на ухо. Были слышны только отдельные слова:

– Принц... тату... префектура... граф... не надо бы...

Детина послушал, послушал, потом еще раз попытался разглядеть стоящего перед собой, но опять, по всей видимости, неудачно. И поняв спяну только то, что этот человек, имеет что-то против него – взбесился. С рыком, одним взмахом руки отшвырнув от себя и мужичонку, и мальчика, взревел:

– Хр-р-р! Срать я хотел на принца! Клянусь яйцами Светлого, я сам себе здесь принц! – заноса, в замахе, тяжелую глиняную кружку, обливая и себя и все вокруг вонючим самогоном.

В этот момент молниеносно, одним гибким пружинистым движением, вперед выдвинулся Тай, загораживая собой Виктора. А, оказавшись между принцем и верзилой, в следующее мгновение он уже пропарывал нападавшему брюхо.

От того, что противники стояли очень близко друг к другу, он не воспользовался мечом, а левой рукой, вооруженной кинжалом, ударил снизу, прямо в вывалившееся из штанов животище пьяного детины. А своим, тоже немалым весом, попытался оттолкнуть рыжего в сторону.

Впрочем, ему это не особенно удалось.

А вот кинжал сделал свое дело – по зале сразу же поплыл запах тухлятины и свежих испражнений, перекрывая и перегар, и сивушную вонь, и дух застарелого пота, что до этого тяжким облаком заполняли комнату.

А громила действительно был сильно пьян и соображал туго. Продолжая высоко держать уже пустую кружку, он недоуменно, с каким-то даже заинтересованным выражением в мутном взгляде, несколько секунд взирал, как его кишки осклизлыми жгутами валяются ему же под ноги.

Только после того, как Виктор дернулся, отпрыгивая назад, а в комнате повисла тишина, он осознал происходящее и, с воем повалившись на колени, стал сграбастывать мерзко-скользкое содержимое своего брюха.

– Я не мог ждать, ты ж понимаешь? – тихо сказал Тай принцу, вместе с ним отступая от зловонной кучи.

– Ага, только я, наверное, и сам мог... – так же тихо ответил ему тот, вставая в боевую стойку и готовясь принять бой.

От обиженного рева своего вожака его дружки-приятели отмерли и кинулись на троих друзей, кто с кулаками, кто с ножами, а кто и с табуретом. Было понятно, что спяну большинство из них просто похватило то, что было под рукой, и они даже не вспомнили о своем ору-

жию. Только двое или трое из разбойников смогли отыскать в развале, царившем в комнате, что-то из него. Да и те, что вооружились, в искусстве владения мечом явно были не сильны.

Поэтому, хорошо обученные и тренированные, с отличными клинками в руках, воины, каковыми и были наши приятели, быстро остудили горячие нетрезвые головы. И уже через несколько минут вспыхнувшего было боя, стало понятно, на чьей стороне сила.

Подобрав своего скулящего и ругающегося последними словами хозяина и нескольких раненых, пьяная компания, отмахиваясь чем попало, подалась на выход.

Как уж они смогли взгромоздиться на коней и, каким образом, им удалось уехать так быстро, было не известно. Но, как показалось друзьям, почти сразу в дверь вошел гном с докладом, что все съехали и он запер ворота.

Впрочем, может, прошло и не так уж мало времени, просто и у них были проблемы после поспешного отступления пьяной компании.

Девушка, стоило последней обрзине скрыться за дверью, повалилась на скамью и зарыдала. Уже не сдерживаясь, она громко всхлипывала и подвывала, и никак невозможно было ее успокоить. Как только, в очередной раз, девчонка поднимала глаза на грязное пятно на полу, на то место в крови и серой слизи, где ее обидчик сгребал свои расплзающиеся потроха, как было стихающая истерика, начиналась снова. И пока папаша Лайсо не догадался принести кувшин холодной воды и вылить ей на голову, никакие словесные увещевания на нее подействовать не могли.

Сильно напугал их и эльфенок.

Пока Ворон, на пару с девициным дядюшкой, боролись с истерикой одной, Тай и Вик выхаживали второго, которого нашли под столом без признаков жизни.

Сначала они не могли понять, что с ним. Толи он пострадал от сильного удара, когда рыжий насильник отшвырнул его, толи просто отключился со страху. Тай аккуратно ощупал его ноги и руки, с особой бережностью прошелся по спине и хрупкой тоненькой шее, потом принялся за голову.

Убедившись, что переломов и вывихов нет, он послал Виктора принести один из их дорожных плащей, чтоб прикрыть мальчика, предвидя, что когда тот очнется и поймет, что раздет, то почувствует себя опять униженным. А на сегодня парнишке, уж точно, горестей достаточно.

Когда принц вернулся, его старший друг сосредоточенно шептал какие-то слова, склонившись над эльфенком, а по его вискам от напряжения тек пот. Руки же Тая скользили по голове мальчика, ритмичными толчками выписывая круговые движения. Подушечками пальцев – ото лба к темечку и на затылок, ото лба к темечку и на затылок...

Мальчик всхлипнул и попытался открыть глаза. Тай быстро отнял от него руки и со словами:

– Ох, и тяжело мне даются эти знахарские штучки, – вытер пот со лба и накрыл эльфенка принесенным плащом.

Минуту спустя тот завозился, окончательно приходя в себя, и распахнул огромные, темные до черноты глазища.

Да-а, теперь уже точно становилось ясно – парнишка не чистокровный.

Ну, так друзья это и раньше предполагали. Дети, тем более чистой крови, слишком большая ценность для эльфов, что б один из них мог вот так оказаться в придорожном трактире другой страны в качестве подавальщика. Наверное, одна из оброчных девиц сумела убежать от своего хозяина. И бежала, видно, эта бедняжка так долго, что оказалась в королевстве по другую сторону Драконьих гор от владений светлых эльфов. А уж здесь и родила маленького полукровка. Да, наверное, это единственное объяснение.

Тем временем, девушка успокоилась и, после того, как Коррах что-то пошептал ей на ушко, скрылась на кухне.

Хозяин же с расстроенным видом, потирая красные запястья, начал извиняться перед дорогими гостями:

– Да-а, не в доброе время, вы господа, заехали к нам...

– Я так понимаю, не каждый день у вас здесь такое происходит? – предположил Тай, помогая мальчику подняться и сесть на лавку за один из чистых столов.

– Да уж! До этого дня отводил Светлый этих разбойников от нас! Мы ж на Главном тракте находимся, да и Аргилл недалече, опять же... – он кивнул на развал в противоположной стороне залы: – А эти, как правило, не нарываються – все больше по Нижней дороге куролесят.

– Это далеко отсюда?

– Да нет. Но там глухо. И разъезды стражников префектуры там не ездют, – стал пояснять папаша Лайсо: – Это вдоль реки – она графский замок соединяет с городом и по нескольким деревням пролегает. Вот там они свои разгулы-то и устраивают. Да по заречным селам шастают – возле замка-то еще один мост есть, попроще, чем городской, конечно – обычный деревянный. Но и река в том месте, еще не та, потише будет – не нахлебалась воды-то с болот лесных, что протоками их соединяет. Вот по тем-то местам народ от них воем воеет, а сделать ничего не могут! Год назад, сказывали, из заречья девчонку вот так же заграбастал – понравилась она ему больно. И уволок к себе в замок. А когда натешился да выгнал, она, бедолажная, в реке-то и утопилась. А говорить, справная девчужка-то была – и красавица, и умница, и приданое за ней неплохое давали – от женихов отбою не было... говорить... я ж, и испугался за нашего-то мальчонку. Э-эх, вот и сынов моих сегодня нет, а то б...

– Дядя, миленький! – воскликнула вернувшаяся в залу остроглазая девица, посмотрев на того как на малохольного – с укором и жалостливо.

Сама-то она, к этому моменту, успела уже и переодеться в сухое платье, и на кухню сбежать. А теперь, со своей обычной спорой деловитостью что-то сгружала на стол с подноса:

– Ну что, по-твоему, могли бы Дрозд с Крохом сделать? Этих-то человек двадцать было! Прибили бы они моих кузенов, да спяну-то и не заметили! Благодарю Светлого, что не они тут были, а господа спасители наши! Они-то воины опытные! – и она одарила каждого из «господ спасителей» благодарным взглядом, а Корру еще и улыбка лучезарная досталась.

А дядюшка ее подскочил и стал помогать тарелки со стаканами на стол сгружать:

– Конечно, конечно, спасибочки вам великое! А вот и благодарность наша!

На столе появилось блюдо с большими ломтями розовой сочной ветчины и маленькими темными колечками копченой колбасы. Тарелки с огурчиками бочковыми, с палец величиной, солеными грибами и маринованными луковками. А еще корзинка с хлебом, кувшин с чем-то и бутылка с явно более крепкой, чем пиво, коричневой жидкостью. Перед эльфенком же красotka поставила большую кружку с парящим, видно горячим молоком и чашечку с медом.

– Вот! – взмахнул рукой над накрытым столом папаша Лайсо. – Отведайте в благодарность за наше спасение моей настоечки. Это не та дрянь, что берут по многу и за дешево – эта чистейшая, на травках разных настоянная. Вот компотик есть на заливочку, но я не советую – лучше грибом, аль огурчиком закусить. Присаживайтесь, господа, – пригласил он всех и принялся разливать по стопочкам коричневую жидкость из бутылки, а по стаканам компот.

К этому времени поганый дух успел выветриться из комнаты, а Фейрум управиться с полами. Так что, закрыв дверь, он взял табурет и присоединился к ним, тем самым завершив рассадку за столом, вновь образовавшейся, но уже сплоченной компании.

– Я вот только одного не могу понять... – завел разговор Тай, после того, как все выпили по первой и уже во всю хрустели огурцами: – Как так случилось, что разбойник с большой дороги в замке-то графском оказался, да еще его и за разбой не наказывают? Он же, я понял, и не прячется особенно?

– Да-а – это беда всей округи нашей, уж зим пятнадцать как! А ты пей молоко-то с мёдиком, милый, пока не остыло. Аль, колбаски хочешь? – заботливо похлопал по спине, сидевшего с ним рядом, нахохлившегося эльфенка дядюшка Лайсо.

И только потом продолжил начатый разговор:

– История-то долгая... ну, дык, мы и не спешим вроде уж никуда, – он разлил настоечку еще раз по кругу. – История эта началась давно, еще при старом графе. Первенец-то у графской четы на охоте погиб, еще обженить не успели и думали, что уж и титул, и земли какому-нибудь племяннику достанутся. И вот, неожиданно–негаданно на закате лет родила графинюшка еще одного мальчика... – трактирщик вдруг остановился и, отмахнувшись от последней фразы, как от ненужной, посчитав ее видно далекой от текущей истории, решил начать поближе:

– В общем, это я к тому рассказываю, что нонешний-то господин наш, получил наследство раненько – молодой совсем был. В то время у нас в округе красавицей первой слыла мельникова единственная дочка. Высокая, статная, волосы, как пламя, и сама – огонь! Все парни ее были. Я тогда еще малолеткой совсем считался и со взрослыми парнями тягаться не мог, но и то на нее заглядывался, – он остановился, степенно положил ветчины на хлеб и подал эльфенку: – Съешь, давай, хоть колбаски... молоко-то уж совсем твое остыло. Ну, так вот, – вернулся он к своему рассказу:

– Но девка эта, мельникова дочь, не проста была – горда больно, балована. Сама красавица, да и приданое у ней, по деревенским-то меркам, не мерянное было – вот и выросла такая. И что ей далось-то – но удумала она не крестьянской женой, а графиней стать. Окрутила молодого господина махом! Не прошло и луны, как она его на ярмарке зацепила, а уж в замке поселилась. По округе верхом скакала, всем командовала, своими бывшими подружками да ухажерами помывкала. А спустя год родила сыночка. Ну, и воот... – придыхнул он, залпом опорожня очередную рюмашку, – ...так продолжалось зим пять, а потом, в один прекрасный день уехал наш граф в столицу, да так и не вернулся. И, хоть молод еще был тогда, но видно не дурак – на мельниковой дочке-то он так и не женился. Но она, тем не менее, как госпожа в замке жила, да звереныша своего наследником растила. С тех пор и не видим мы графа почти, за все годы, если разов пять и приезжал, то хорошо. А в последние наезды, всегда с большой стражей, да с магом еще в придачу. А графинюшку нашу новую, так вообще не видали ни разу – только слух прошел, зим двадцать назад, что женился господин в столице, да законный наследник у него народился.

Повздыхав чуток по этому поводу и, промеж делом разлив опять по кругу, папаша Лайсо продолжил:

– А прознав, что граф женился, да в том браке сыном обзавелся, мельникова дочь совсем с цепи сорвалась – всю округу извела. А кому жаловаться-то, префекту, Совету? Граф-то сам носу не кажет, волю свою не выказывает... вот городское начальство и замержежалось, что предпринять не знает. Мельничихин Графич подрос тем временем, компанией из всякого сброда обзавелся и начал озорничать по окрестным селам. В город и на Главный тракт, как правило, не лез, но уж зато по дальним деревенькам душу-то свою черную отводил, безнаказанность чужа. А вот зиму назад, как мамаша-то его от злобы своей с ума совсем съехала, да на мельницу покойного уж отца, сначала вернулась, а потом и померла совсем, он озверел полностью. Вот и к нам на Тракт выбрался, чего раньше не бывало. И если б не вы, господа спасители, то, не ровен час, и в город бы нагрянул! А так, может и помрет – с пузом-то пустым...

– А почему все так далеко зашло? Я графа Аргиллского знаю, нормальный, вроде, мужик – спокойный, разумный. Ты ж, Тай, его тоже знаешь, ну? – воскликнул Ворон.

– Знаю, верно, он в советниках у короля ходит. И наследника его знаю. Он, кстати, в отличие от рыжей образины, очень даже на отца-то похож! – согласился с приятелем Тай, а потом вернулся к прерванной этим отступленьем теме: – Так почему все-таки граф безобразие такое на своих землях допустил?

– Есть мнение, что Мельничиха, пока без него в замке командовала, прикармливала городских-то господ из графских закровов. А как сам-то в редкий час наезжал, то у нас тут тишь, да гладь наступала – она зверюгу-то сыночка прикручивала, а сама горюющей брошенной женщиной прикидывалась. У графа-то рука на них, видно, и не поднималась. Что-то до него доходило, конечно, раз с такой охраной наезжал, но, видно, так – по малости. А Совет молчал – вот скажут они, а граф-то ничего и не сделает, как многие годы не делал, и съедет. А Мельничиха-то с сыночком останутся! Что тогда? И ни каких подарков больше... вот... А ты ешь, давай, а то сил-то совсем не будет! – опять начал он пичкать эльфенка, подталкивая к нему едва надкушенный кусок. Да послал племянницу на кухню молоко, совсем уж остывшее, подогревать:

– Вот, думаю, что с мальцом теперь делать? Ему оставаться никак нельзя – не дадут ему жизни здесь графичевы дружки! Когда еще в городе прознают, что сам-то он помер...

– А давно у вас этот мальчик-то появился? Откуда он? – спросил Тай у дядюшки Лайсо.

У самого-то парнишки спрашивать было пока бесполезно – он до сих пор жался в угол, ни на кого не глядел и даже на заботу хозяина почти не реагировал.

– Да сам пришел, лун пять назад. Холодный, голодный, нарисовался как-то на пороге осенью прошедшей. Лошадник, вон, его пригрел. Я-то и не знал поначалу. А потом стал в трактире помогать, так и прижился. Он мальчик хороший – послушный, работающий. А мне что, куска мальцу жалко? Одежки разной от выросших сыновей, вон – полный сундук остался. Он вот только плохо ест, как пришел худющий, так все и не поправится никак. А кто он и откуда, не знаю – ни че не сказывал. Вот только имя назвал и все, Лионом его кличуть...

Все, естественно, воззрились на Фейрума, ожидая, что может тот чего добавит, но не успел гном и слова молвить, как эльфенок вдруг сам неожиданно выдал:

– Вы не люди... – голосок его звучал хрипловато, придушенно, как будто парень через силу выпихивал из него звуки. – Не он, а вы... – указал он подбородком сначала на Вика, а потом на Тая с Корром.

– Точно! А ты сам-то простой человек, что ли?! – весело хохотнул Ворон на первые произнесенные слова парнишки.

Тай укоризненно посмотрел на друга, зачем он мальчика задирает – тот на контакт пошел, а насмешка может все испортить. И уже аккуратно подбирая слова, обратился к эльфенку:

– Верно. Мы не простые люди – мы оборотни. Но и Лошадник не человек, и ты тоже...

– Знаю... – тихо сказал мальчик. Хозяин с племянницей, кстати, тоже не удивились этому сообщению, а только с интересом поглядывали на вдруг заговорившего мальчика.

– А вот Вик у нас принц. Нас таких много по свету ходит – и оборотней, и эльфов, и гномов, а вот настоящих принцев в этом королевстве всего трое. Так что, это он у нас особенный, а в нас всех ничего такого и нет, – Тай, как зверь на охоте, подкрадывался к эльфенку со своими вопросами – осторожно, с «подветренной стороны»: – Просто, нам интересно, откуда ты здесь появился – это же не страна светлых эльфов? Где твои родители? Почему ты здесь один оказался?

– Я из Ламариса... мы с мамой и папой жили в поместье – там только мы, да через балку хижина бабки Травяны, знахарки... а деревня в отдалении. В Лацидуме светлых я никогда не был – от нас до него еще целый день пути... – неуверенно, по словечку, но парнишка начал отвечать на вопросы.

Все затаили дыхание.

А он, зачерпнув ложку меда, размешал в молоке и залпом выпил всю кружку. И уже обычным не хриплым голосом вдруг выдал:

– Мама с папой были простыми людьми и их убили из-за меня! Из-за того, что я такой! – и мальчик с остервененьем дернул себя за острое ухо.

– Тихо, тихо, миленький, – сказал папаша Лайсо и, погладив эльфенка по голове, аккуратно отвел его руку от покрасневшего уха.

А того как прорвало – он заговорил быстро-быстро, сбиваясь и перескакивая с одного на другое:

– Откуда я у них взялся – не знаю, но они были хорошие и меня любили! А я – их! Они не крестьяне, точно – к нам работники из соседней деревни приходили, и деньги у нас были... и образованные они! Папа учил меня всему – и письму, и истории, и географии. А потом пришли эльфы... – мальчишка скривился – вот-вот сейчас заплачет! Но нет, перетерпел вроде, и погнал дальше: – Вы про оброк людьми знаете, что Ламарис Лацидуму платит? У эльфов-то народу мало, детишки редко рождаются. А человеческие девушки, пусть и полукровок, но десяток за свою короткую жизнь нарожать могут. Эльфийки ж их, за несколько тыщ зим, двое, в лучшем случае! Вот после Большой битвы они и договорились меж собой...

– Спокойно, малыш, мы историю знаем. Ты про себя и близких рассказывай, – осторожно притормозил его Тай, боясь, что, пересказывая исторические события, парень выговорится, а о себе промолчит.

– А что про себя? Тут без истории нельзя... всего отдают по пять девушек в год. Города по очереди, разом всех. А когда до деревень доходит, то те по одной, по две. В общем-то, говорят, что им там хорошо – они же не скот, а великая ценность для эльфов. И из бедных многие сами идут. Здесь-то крестьянкой всю жизнь коров доить да капусту поливать, а там сразу, вроде как, госпожой становишься – к знатному эльфу в жены. Но не все хотят от родных-то уезжать, у кого и парень есть... а там-то жребий! Вот кто может, тот и откупается. И в результате, вместо ладной да пригожей дочери старосты, аль купца, к эльфам какая-нибудь больная сирота, а то и нищая калека едет. А в договоре сказано, что девушки должны быть самые красивые да здоровые. Оброк-то собирают королевские сборщики подати, а уж эльфы девок на границе получают. И часто такое бывает – увидят, что девушки больные иль некрасивые совсем, и сами в набег идут по ближайшим деревням. В наши места ни разу не доходили еще, мы, вроде как, далеко. А вот в этот раз дошли... наши деревенские им отпор, видно, дали. А что могут крестьяне против эльфийских-то воинов – ничего! Светлые и девушек забрали, и народу много покалечили... может, и убили кого. А когда эльфы уехали, деревенские на нас злобу-то свою и сорвали – родителей убили, а дом сожгли, – парень сморщился, желая в очередной раз удержать слезы, и уж вроде захлопал влажными ресницами, но вдруг неожиданно схватил ближнюю к себе стопочку с настойкой, и жажнул целиком.

– Ох-ти ж, Светлый мой! Что ты делаешь? Она ж крепкая! – завопил папаша Лайсо.

– Не бойся, хозяин, парнишка-то уже не маленький – эльфы долго взрослеют. Потому и откормить его не можешь. А крови-то эльфийской в нем много видать, раз необученный сущность других чувствует. Сколько тебе зим-то на самом деле? Уж точно не тринадцать, – успокоив хозяина, спросил эльфенка Тай.

– Двадцатая зима с той осени пошла, – ответил парень и, как-то весь подобрался, став сразу и выше и старше.

– Рассказывай дальше, – подбодрил его Ворон.

– Да все уж почти. Я сам-то на охоте в лесу был – еще до зари ушел. А когда к вечеру возвращался, меня бабка Травяна возле оврага перехватила и к дому непустила. Все рассказала – как утром, чуть свет, явились крестьяне с косами и топорами, как кричали, что мои родные должны быть прокляты, раз такую тварь, как я, воспитывать взялись. Что можно было и человеческого ребенка к себе в дом принять – мало ль сирот на свете... потом, видно, их убили, а дом подожгли. Бабка та мне конька своего старого дала, монеток мелких горстку, да хлеба с яйцами вареными положила в мешок. И велела уезжать подальше от Ламариса – за хребет, в те страны, где к таким, как я, лучше, чем у нас относятся. Я сначала ее, конечно, не послушался, к дому пошел. Но там уже ничего не осталось – одни головешки дымящиеся. Я испугался очень

и постарался побыстрее уехать из тех мест. И, как соседка велела, за горы подался. Купеческий караван встретил. Купец меня сначала принял. Но потом, когда уже в Эльмерии оказались, его охранники отобрали у меня и лошадь, и те несколько медных монет, что оставались, да еще амулет, который на моей шее с рождения висел, и выгнали из каравана, – тут парнишка остановился, обвел всех глазами нерешительно, видно соображая, что говорить дальше, а что нет. Но, тяжело вздохнув и собравшись с духом, решил-таки, похоже, рассказывать все как есть:

– Мне пришлось бродяжничать и попрошайничать... воровать иногда... я пытался, конечно, подработать, но кто ж меня такого маленького и худого в работники возьмет? Проще сразу прогнать, чем попробовать... пока лето-то было, вроде и ничего, выживал, а как холодать-то стало, вот тут мне конечно тяжело пришлось. Потом я сюда добрался, а здесь Лошадник – тоже не простой человек! Он и пожалел меня, к себе на конюшню взял. Потом и вы, дядь Лайсо, меня не выгнали... спасибо вам! – и парень, прямо сидя за столом, попытался изобразить поклон в сторону хозяина.

– Ой, ладно, малец... хм, парень! – замахал на него руками тот: – Вот только делать-то нам, что с тобой?

– А мы его с собой заберем, – вступил в разговор до этого молчавший принц: – Поедешь с нами Лион? Я тебя брату представлю – он наследник престола. Тебя, эльфа-то, пажом к себе в свиту точно возьмет. Будешь песни ему петь, да копье на турнирах подавать. Петь-то умеешь?

– Умею... немного. А почему не к вам? Вы же, тоже принц, – спросил тот.

– Ну, во-первых, до приезда в столицу я среди своих просто Вик и на «ты», пожалуйста. Не привык еще я к этим церемониям – десять зим без них прекрасно жил! А во-вторых, что там дальше, да как будет, не знаю – посмотрим, может и мне придется пажом обзаводиться! – и весело рассмеялся.

– А вам, папаша Лайсо, не мешало бы о себе, да о своих близких позаботиться. Эти разбойники ведь к вам придут, у вас же в трактире все случилось, да еще и парня не найдут... – напомнил о еще одной надвигающейся проблеме Ворон.

– Да-а, я уж подумал об этом... мож, охрану в Аргилле нанять? Человека три хватит? – спросил хозяин растерянно.

– Я предлагаю другое решение... – ответил Корр и вопросительно посмотрел на друзей.

Те согласно кивнули. А он, получив их согласие, сорвался со скамьи и бегом кинулся в комнатку, в которой они начинали свой вечер в этом трактире. Вернулся быстро, неся их чересседельные сумки, и одну сразу же передал Вику.

Тот, порывшись в ней, достал две звезды из белого металла. При ближайшем рассмотрении, когда он их выложил на стол перед всеми, стало понятно, что это знаки Светлого, внутри которых выбиты древние руны какого-то заклинания.

– Это охранные обереги – их сам Архимаг создавал. Нам они больше без надобности. Вы их над воротами и над входом в трактир прибейте, и каждый, кто попытается ступить через порог с плохим умыслом к постоянным обитателям дома, не сможет пройти дальше – ноги сами вынесут его вон, – сказал Виктор и продвинул звезды по столу к папаше Лайсо.

– Да вы все наши беды разрешили, господа! Уж не знаю, как вас и благодарить? А давайте выпьем еще! – радостно воскликнул тот.

Проснулся Ли в давно уж забытом состоянии – в спокойной безмятежности. Ему, вроде как, даже что-то снилось хорошее... С ним такого не случалось уж, наверное, с тех пор, как он уехал из родного дома.

Тут, за воспоминаниями о покинутом не по своей воле доме, надвинулся и кошмар прошедшего дня. На мысли о страхе, унижении и собственной беспомощности тут же отозвалось и тело – само свернулось в калачик, подтаскивая колени к самому подбородку.

« – Вот был бы я высоким и сильным, и был бы у меня в руках меч... иль волшебство эльфийское, то тогда бы...»

Тут пред глазами, как воочию, предстали его спасители – Тай, Вик и Корр, такими, какими он увидел их перед тем, как удариться головой и отключиться – сильными, высокими и бесстрашными.

И вот они берут его с собой! Именно из-за их обещания он спал сегодня так хорошо, несмотря на вчерашнее! Так что, не может он, сжавшись от страхов, лежать и дрожать, как побитая собачонка!

« – А вдруг они узнают и решат, что я трус?! И не возьмут с собой! А вдруг они уже уехали?!»

Стоило этим, по-настоящему уже страшным мыслям попасть в голову Ли, как он подскокил со своей лежанки в закутке конюшни и кинулся в трактир.

Заполоненные мысли неслись поперед ног, сперепугу не давая заспанным глазам разглядеть дорогу. Во дворе парень чуть не снес одного из Светлых братьев, ночевавших тут же – в конюшне на сеновале, а теперь плескавшихся в бочке с водой у ее порога. А в неприбранном еще зале чуть сам не расшибся, запнувшись об упавшую скамью. Но когда он с размаху залетел в кухню, то увидел, что, ни кухарки, ни посудомойки, ни повара, что приходили из деревень, еще не было.

« – Уф! Знать совсем еще раненько!» – догадался он, глядя, как папаша Лайсо в гордом одиночестве только-только водружает на плиту «кашную» кастрюлю.

С успокоенной душой Ли, было, сунулся помочь хозяину и потащил еще дров к печи, но тот, увидев его, вдруг заохал и заахал:

– Ой-йой-йой, малыш! Ай! Прости, парень! Все никак не привыкну к тому, что ты оказывается совсем уж большенький. Какой же ты грязный да чумазый! Господа же тебя в самый королевский дворец везти собрались! Иди сюда, – и, видно забыв опять, что парень давно большой, потащил его, как маленького за руку, в заднюю комнату. А там, найдя в хозяйстве посудомойки тетки Овсяны здоровенный таз, заставил хорошо умыться.

Затем он хотел еще и голову его макнуть туда же, решив, что при свежесмытой мордуленции грязные патлы только страшнее выглядеть стали. Но от этой беды его спасла Цветка, которая, что-то напевая, в этот момент вошла в кухню и оттуда увидела их войну над тазом:

– Оставь парня, дядь, не мучай. Господин Корр сказал, что они его по пути в ларгарские бани завезут. А уж эти южане в мытье толк знают! Так что в порядок его привести, перед тем, как везти во дворец – не сумлевайся даже! – со смешком сказала она и, взяв метлу, вышла в общую залу.

« – Бани? Это уже лучше... тем более, что они будут потом!» – решил Ли. И, пока хозяин не опомнился после слов племянницы, и не удумал еще какой экзекуции его подвергнуть, подхватил поднос для грязной посуды и потрепал следом за девушкой.

Завтрак заканчивался и скоро – в дорогу.

Лион, уже не как бедный подавальщик, а как настоящий гость, сидел в общей зале за столом, меж господином Таем и Лошадником, и дожевывал пирожок. Он съел и тарелку каши, и два ломтя хлеба с ветчиной, да и пирожок был далеко не первым – и не вспомнить, когда уж в него столько лезло! Это все от радости, от того, что господа, проснувшись поутру, не забыли про него!

Господин Корр и Цветка сидели за другим столом, воркуя меж собой как голубки. Господин достал монету и, что-то говоря девушке, стал класть ей за корсаж.

« – Оу! Половинный золотой!» – у сидевшего к ним лицом и увидевшего денежку Лиона, пораженно выпучились глаза.

Дядюшка Лайсо, углядев его странный взгляд, обернулся и видно тоже успел заметить стоимость подарка. К столу он поворачивался с такими же округлившимися, как и у Ли, глазами. А потом не удержавшись, охнул:

– Ох, и щедрый господин Корр!

После этого восклицания посидел пару минут, помолчал, что-то соображая, и расцвел в довольной улыбке, принявшись выкладывать свои, эти самые, радостные соображения:

– Да с таким приданым наша Цветка теперь самой богатой невестой в округе будет – мы удачу-то к ней и подманим! А то и девка видная, и руки у ней работающие, и сама хозяйка хоть куда, да и разумением Светлый не обидел – вот только удачу-то у ней и не было! Как десять зим назад вышла замуж за того оболтуса, что по пьяному делу в свадебный же вечер и утоп в реке – так она от нее и отвернулась. У самого-то муженька, ни кола, ни двора, а родня его приданое Цветкино прибрала, а саму ее через пару лун и выставили – вроде, как и не сноха она им настоящая. А ей что делать? К старшему брату в дом бедной родственницей идти? Так там невестка всем заправляет. Вот она у меня и прижилась – тут хоть денежку какую-никакую, но свою имеет, а там бы в бесплатных работницах ходила. Я ей уж пару раз и приданое дать предлагал, когда к ней сватались. Хоть много-то у меня и нету – но все ж кровь родная, жалко девку. Но она, после того раннего замужества, больно разборчива стала – просто на ленточку шелковую да ласковое слово больше не купится. Подавай ей мужика непьющего, да чтоб срушный был, со своим хозяйством и не старый какой, аль больной. И вдовец с пятком деток ей не надобен... где ж такого найти-то? Сама-то уже не девица юная. Балует вот иногда с проезжими... – он мотнул головой на милующуюся позади него пару. – Да я на это сквозь пальцы смотрю, должны же быть и у девки в жизни радости. Но теперь, на такое-то приданое – слетятся женихи, что твои пчелы на сахарок! Уж кого-нибудь, да выберет...

– Дядь Лайсо, – вдруг влез в его многословные мечтанья эльфенок. – Вот выйдет Цветка замуж, а вы то, как с трактиром справитесь без нее?

– Даа, – вдруг как-то сразу сдулся тот, но что-то опять покумекав, приободрился: – Цвета, конечно, после смерти моей благоверной Свёклушки – Светлый покою ей дай, – он сделал Божественное круговертие и, вздохнув, продолжил: – Хозяйство-то твердой рукой подхватила – у ней малые поварята и те не балуют! Но замуж-то она, чай не завтра пойдет. Пока домик ей прикупим – мож здесь, а можа и в самом Аргилле. А там и невестки мои от родов оправятся, в трактир вернуться.

И опять пустился в объяснения:

– Сыны-то мои, год назад, всего с разницей в одну луну обженились, а теперь снохи, обе две – разом и рожать удумали. Тут уж разница всего денька в три случилась! Так что у меня теперь внучок и внученька... дааа! – довольно улыбнулся он. – Сначала, после свадьбы-то, они приживались все больше, да под пятой у хозяйственной Цветки ходили. Да она не строжила с ними, понимание имея, что хоть и не срушные они пока, но все равно – хозяйками ей приходится. А как животы-то им на носы полезли, так она их вообще по домам отправила – чтоб от греха подальше значит, чего плохого не случилось от тяжелых подносов, да кастрюль с горячим. Но теперь они уж разродились, так что скоро вернуться в трактир. А Цветка, я думаю, захочет, наконец-таки, своим хозяйством зажить, с собственным мужем и детками – хватит ей уже по людям-то обретаться!

После Цветкиной, теперь прям праздничной судьбы, они еще обсудили, как жить дальше, пока не узнается, что Мельничихин Графич точно помер. Еще обговорили, как дорогу до Аргилла сократить – где свернуть, чтоб через деревеньку почти сразу к мосту-то перед городом и выехать, а не кружным путем по Главному тракту лишние полдня ехать.

Так что, когда в путь-то пустились, солнышко весеннее уж за полдень давно наладилось.

Гордый Ли ехал на лошади рядом с господином Таем.

« – Ой, не господином! Ему ж запретили их теперь господами называть – он теперь в их компании!» – от этой мысли Лион аж зажмурился от удовольствия.

А еще ему пообещали, что когда они к вечеру до Аргилла доедут, то там все вместе в ларгарские бани пойдут и ему, Ли, там очень понравится – это не то, что в чулане в лохани или в деревенской бане мыться, там теплая вода сама сверху струйкой бежит. А после того, как намоешься под ней, и в мраморном озере, что бассейной называется, наплещешься вдосталь, то посетителей в светлых комнатах, полных теплого пару, на лежаки укладывают и мужики, специально обученные, спину разминают.

Го... просто Корр на это с хитрой улыбкой добавил, дескать, можно, чтоб и не мужики, а бабоньки спинку мяли.

Но Тай на него строго посмотрел и сказал, что им в столицу поспешать надо, а не блудить на каждом углу. И, что он, Ворон, уже наблудил на половинный золотой, и ему должно было, вроде как, хватить до самых Королевских Холмов!

А тот ему в ответ рассказал о пользе блуда в улучшении характера, и что некоторым иногда и не стоило бы пренебрегать! А потом они – все вместе, долго и весело смеялись над беззлой перепалкой оборотней.

« – А он ворон, оказывается... их очень мало осталось на свете!» – поразился Ли. Их, воронов то есть, светлые эльфы почти всех извели, когда те, после Большой битвы, не захотели им свои земли в предгорьях уступать. Это он знал из уроков истории, что еще отец ему преподавал.

« – Вот бы посмотреть, как он оборачивается и летит... а кто, интересно, Тай? Волк или медведь?» – Ли еще ни разу не видел сам момент переворота, только оборотней в человеческом обличье встречал.

« – Ну, ничего, теперь-то скоро... вот сразу после Аргилла с его банями, и увижу...» – мечтательно перебирал про себя предстоящие удовольствия юный эльф.

Но, ни сегодня к вечеру, ни даже завтра к полудню, в Аргилл они не попали...

Проехав по единственной, но зато длинной улице Больших Лужцов, они вскоре свернули к простому деревянному мостику через овраг. А там, по немощеной уже, но довольно наезженной дороге, стали спускаться в низину, что раскинулась перед ними, вплоть до самой реки. Справа темнел лес, который новые друзья и защитники Ли проехали еще вчера, но, как теперь оказывалось, выехали из него далеко правее.

Прямо, в самом низу разлегшейся перед ними луговины, за растянувшейся вдоль нее деревней, блестела на солнце река. А по самому ее берегу видны были большие разрытые ямы глиниц.

Традиционно в этой местности народ зарабатывал тем, что добывал эту самую глину – красно-коричневую, самую лучшую, ту из которой кирпич да черепицу делали и для столицы, и для других богатых городов срединных земель королевства.

Здесь же, в деревнях, и кирпич с черепицей обжигали. Прямо возле глиниц виднелись длинные постройки, видимо формовочные мастерские, да может и склады. Река-то здесь зимой порядком промерзала, а главный развоз по ней проходил.

Хотя, если недалеко, и на телегах, бывало, тащили. А чтоб подешевле выходило, то и глину простую вывозили...

В общем, народ тут жил неплохо – в достатке, при постоянной работе. Две довольно большие деревни, что предстали перед ними, ярко высвечивались среди обширных, чуть начинающих зеленеть садов красноватыми крышами, крытыми знаменитой черепицей.

Если б не собственное производство, то крестьянскому хозяйству не в жизнь не потянуть такую дорогую кровлю. Правда, сами дома были сложены из более крупного, чем обычно, темного кирпича – вот тут-то и сказала, видно, чисто деревенская рачительность местных

хозяев. Кирпич, он ведь не черепица – не развалится, если в дорогую глину, что продать можно, землицы обычной, аль навозу добавить... еще и теплее будет.

Деревня, что лежала прямо по проселочной дороге, по которой они направлялись, называлась Середними Глинками. Проехав меж огородов, они должны были выйти на Нижнюю дорогу, пролегающую по деревне. На ту самую дорогу, на которой и любил хулиганить, скорее всего, убиенный ими, Мельничихин Графич. И уже по ней выехать к другому селу – Крайним Глинкам, которое виднелось слева в отдалении. А после него, как им пояснил дядюшка Лайсо, уже рукой подать до съезда Главного тракта на каменный мост, за которым и был Аргилл.

Но с той возвышенности, с которой друзья спускались, ни моста, ни города видно не было – толи взгорок невелик, толи до них еще ехать и ехать, а возможно, что и ушами прохлопали что-то в рассказе хозяина, поняв его неправильно. Но главное в пояснениях трактирщика они уловили – по Тракту-то гора-аздо дальше было бы! А ему они верили – как-никак, а местный житель.

Где-то справа, укрытая от их глаз лесом, оставалась еще одна деревенька – соответственно, Дальние Глинки, но им она была без надобности, и друзья ее не выглядывали. Есть себе – и есть, и пусть ее...

Когда они ехали уже меж огородов, где на черной пашне дружными рядками проклюнулись зеленые всходы, делая ее жизнерадостно-полосатой, а в высоком прозрачном небе заливалась какая-то птаха, радуясь солнышку, дышащий спокойствием мир весенней природы был нарушен страшным от ужаса женским криком.

Затем крик перерос в вой и к нему добавился еще один, и еще, а потом присоединилась и громкая мужская брань. А следом раздались и призывы « – Помогите!»...

Друзья переглянулись и, пришпорив коней, понеслись в деревню, ориентируясь на непрекращающиеся, а только разрастающиеся во все большее многоголосие крики.

Ли, что есть мочи, понукал старую кобылку, которую только и смог ему предложить дядюшка Лайсо, чтоб добраться до Аргилла. Но если б не выючная одрица, что была пристегнута к седлу Тая и не давала мчаться в полную силу его огромному мерину, то Лион, скорее всего, добрался бы до нужного места один. А так он всего лишь чуть-чуть отставал от него.

Зато Корр с Виком, несдерживаемые ничем, унеслись далеко вперед и, когда Ли с Таем только поворачивали на Нижнюю дорогу, она же единственная улица деревни, те уже подъезжали к толпе, что была хорошо видна в самом конце селенья.

Несколько смурных и бледных мужиков сдерживали, не пуская за изгородь, десятка три селянок, которые гомонили, перекрикиваясь и переругиваясь меж собой, и то и дело норовили проскочить во двор дома. Но молчаливые серьезные мужички бдительно блюли охрану и успевали каждый раз перехватывать самых юрких и любопытных.

Но останавливать приехавших господ они, все же не решились.

Принц с Вороном были уже там – их лошади, с наброшенными на коновязь поводьями, топтались во дворе.

Сам дом, как и все остальные в этой богатой деревне, выглядел добротным и ухоженным – с высоким крыльцом, резными наличниками на окнах и аккуратно побеленными яблонями, набивающими розовые бутоны в палисаднике.

Меж теми яблонями, прямо на молодой траве, лежала толстенная баба в ярких юбках и голосила не умолкая. Это ее крики и подняли панику по всей деревне, и на ее зов они прилетели сюда. Она и сейчас не унималась и, держась за обширную грудь, продолжала взывать:

– Люди добрые-е!!! Это что же деется-то на белом свете-е?!! Помогите мне-е!!! Ох, Розаночка – деточка моя-я! Ой, Гречушка да Радушка – кровиночки мои-и!!! – с подвывом рыдала она, а две молоденькие девушки, сидя около нее на коленях и тихо плача, обмахивали бабу передниками.

Рядом с ними на траве сидел мужик со включенной бородой и налитым кровью лицом, беззвучно и широко открывавший рот, будто воздуха ему не хватало.

Возле него нашелся и Корр, который в этот момент что-то бубнил и делал пассы над головой и грудью мужчины.

– Как он? – спросил его Тай, соскакивая с коня.

– Да, вроде, уже ничего... – ответил Ворон, не оборачиваясь.

Тогда Тай, не подходя к ним, направился к дому, бросив в сторону Ли:

– А ты оставайся здесь, в дом не смей заходить!

Но, не успел он дойти до крыльца, как из двери вывалился еще один мужик. Он был помоложе и бледный, но такой же всклокоченный, как и тот, над которым сейчас ворожил Корр.

Мужичок далеко не ушел – плюхнулся тут же на ступеньку, да там и остался сидеть, раскачиваясь из стороны в сторону и тихонько воя – жалобно так и протяжно. И только, горемычный, успел пристроиться на лестнице, как в проеме показался Вик с мутным взглядом – этот был не просто бледный, а прямо зеленый какой-то. Ни на кого не обращая внимания принц тихо-тихо, по стеночке, спустился и направился куда-то за дом.

« – И правильно!» – решил Ли, оценив его состояние: « – Негоже принцу блевать при всем честном сельском люде!»

Минуты ожидания тянулись долго. Во дворе ничего не менялось, если не считать лица мужика, постепенно приходившего к нормальному цвету. Видать, сказывалась ворожба Корра.

Бабица также голосила, девушки также тихо плакали и махали на нее фартуками, а народ, за забором, также волновался.

Устав ждать и решив, что про него все забыли, Лион потихонечку двинулся к крыльцу. Обойдя раскачивающегося мужичка на ступенях, он бочком протиснулся в дом... и почти сразу пожалел о своем опрометчивом поступке.

В сенях, тут же за порогом, на спине и раскидав руки, лежала молодая женщина, пригвожденная вилами к полу.

Крови было не много. Так, только возле зубьев, что впились ей в грудь, виднелись на белой рубахе небольшие пятнышки особо незаметные среди соломинок и кусочков земли, осыпавшихся с неочищенных вил. Глаза убитой были широко открыты, их застывший взгляд, и выражение всего лица, говорили о крайнем ее изумлении в последний момент жизни.

От этой бескровной, но такой явной смерти совсем еще молодой женщины, от этих уже неживых, но еще удивленных глаз, Лиону тут же поплохело и захотелось поскорей уйти. И нет бы, ему вернуться обратно, но ноги сами понесли его дальше в дом.

А там...

Первое, что увидел Ли, ступив в комнату, была валяющаяся посреди нее разбитая глиняная статуэтка Светлого. И она, и кружевная салфетка, на которой та когда-то, стояла, и охапка бумажных цветов, служивших ей украшением – все было свалено в кучу и щедро полито чем-то красным.

Это же красное, размашистыми брызгами было и на побеленных известью стенах, и на оконных занавесках, и на перекошенной скатерти стола.

« – Как соком помидорным...» – почему-то именно эта мысль пришла в голову парня. Мозги парня, по ходу, уже начали отказывать и ни в какую не хотели признавать очевидного.

Из-за стола, полуприкрытые съехавшей скатеркой, высовывались чьи-то небольшие ножи в простых с деревянными подошвами башмачках.

Ли чуть продвинулся, чтобы разглядеть получше. Но его взгляд наткнулся на маленькую девочку, может еще и грудную. Она, в ярком цветастом платьице, как брошенная тряпичная кукла, раскинув ножки и ручки, лежала чуть дальше кучи с оскверненной статуэткой Светлого... ее голова напомнила Ли о раздавленных ногой шершавых орехах...

Все перед глазами потемнело и поплыло, рот наполнился кисло-горькой слюной, а в животе вдруг взбунтовалась и полезла наверх обильная утренняя трапеза.

И ошупью, по стеночке, как давеча Вик, Ли двинулся на выход, уже не желая знать, что стряслось в этом доме... не желая смотреть, кто лежит там за столом... и даже не желая искать затерявшегося где-то Тая! В данный момент он уже вообще ничего не желал кроме одного – ему срочно надо было на воздух. На возду-ух!

Как прошел мимо убиенной женщины в сенях, как вышел за дверь, парень не помнил.

Приходить в себя он начал, когда в углу крыльца, где его выворачивало наизнанку, Ли посетила интереснейшая мысль – он оправдывал сие непотребство, твердя себе, что ему можно – он не принц!

А потом его подхватили сильные руки Тая, и под возглас: «Говорил же – не смей входить!», понесли к бочке с дождевой водой и стали умывать лицо, щедро поливая и на голову.

И вот только после этого мир вокруг перестал плыть в елозящей темноте, а проступил, как ему и положено, четкими яркими гранями. Оглядевшись вокруг, Ли понял, что пробыл в доме не одну минутку, как ему показалось, а гораздо дольше, и за это время во дворе произошли кое-какие изменения.

Баба больше не голосила, а мирно спала тут же на травке.

Девушки куда-то делись.

А толстый мужик был уже совсем не краснолиц, а вполне нормален с виду, если не считать его нервного подергивания себя за бороду.

Рядом с ним сидел тот, что выл на крыльце, когда Ли так неосмотрительно решил увидеть все произошедшее своими глазами, и еще один – из тех, что дом от любопытных односельчан охранял.

А самих любопытных за забором стало значительно меньше.

Возле сидевших под яблонями мужичков так же находился Корр и вернувшийся из-за дома Вик. А Тай, оставив его, Ли, отряхиваться от воды, также двинул к ним.

« – Что делать? Да не че!» – бочком, бочком, Лион поплелся туда же.

Когда он подошел и, от греха подальше – чтоб не прогнали, пристроился за яблоней, бывший красномордый рассказывал, как дело было:

– Это ж доча моя старшая – Розанка, тут живет... жила, покою Светлый им дай! – мужичек оторвал руку от своей уж выдранной почти бороды и сделал Божественное круговертие. – С мужем и внуками моими. Хорошо жили – за восемь зим троих деток родили. Стог, муж-то ейный, не пил, руки не распускал, да и работал хорошо – несколько зим уж как свою чере-пишную мастерскую имел, а в ней человек пять наемных работников. Достаток у них в семье – дом полная чаша! Коровы две, овец десяток, свинка пол луны, как опоросилась – жить бы и жить в радости, детей поднимать... а оно, во-оно, что получилось... мать-то совсем от горю рехнулась! – кивнул он на толстую бабу, спавшую под соседней яблоней. И вздохнул тяжело так, безысходно.

– А с чего вы взяли, что это ваш зять такое зверство сотворил? И где он сам-то сейчас, и внук ваш? – задал ему вопрос Тай.

– Да это я сказал... – вступил в разговор тот из мужчин, что забор охранял. – Я сосед ихний, Дубном меня кличуть... – он мотнул головой, показывая на такой же добротный и ухоженный домик, сразу за забором палисада, и продолжил степенно:

– Седня ж солнце жарит, прям по-летнему, вот и решил я домой на полуденную трапезу сходить – поесть спокойно, да отдохнуть. Опосля вышел из дому, чтоб к реке, значить, к ямам идтить – работники ж у меня там, а успел-то только с крыльца спуститься, как вижу – Стог с мальчонкой своим подмышкой из ихнего дома выскакивает. Сам-то в одном исподнем и весь в кровище, а мальчонка-то молчит, кулем обвис в отцовских руках, глазенки только и тарашит. Я уж потом смекнул, как в ихнем доме побывал, что от страха дитё ни живо не мертво было.

А в тот момент я еще ничего не видал, думал, случилось че, помощь предлагать стал. А Стог уставился на меня, как будто я не по-людски говорю, а лягушкой квакаю, и побег вдруг в сторону леса. Аж босые пятки засверкали! Ну, я к ним-то в хату и кинулся, а там... ну, вы сами видали! Мне по началу тож плохенько было... – он сочувственно посмотрел на бледного еще Вика. – А потом к родителям Розанкиным побег, да к Жниву – брату старшему Стогову.

Тут тот мужичок, что поначалу на ступенях отсиживался, в разговор вклинился:

– Че говоришь-то, а? Стог у нас всегда смирный был – мухи не обидит! И Розанку свою, и девок малых – ужась, как любил! Он бы на них, ни в жисть бы руку-то не поднял!

– Да я, че видел, то и говорю – не в себе братец твой был... – стал оправдываться сосед.

– Так, все ясно, что ничего не ясно! Надо вашего Стога найти! – закончил разговор Тай и стал подниматься с земли.

А тут и девушки пришли и каких-то бабок в черном привели. Сами уж не плачут, хмурые и озабоченные только.

– Начнем мы, наверно... день-то жаркий. Вот плакальщицы пришли – они знают, что и как делать-то надоть. А мамонька наша долго еще проспит? – обратилась та из девушек, что постарше была, сначала ко всем, а с последним вопросом к Ворону. Знать не сама баба-то затихла, а усыпил он ее. А младшая от этих слов сестрицы опять по-тихому в рев пустилась.

Тут подтянулись и парни да мужики от реки, что на ямах да в мастерских трудились. Все свои – деревенские, соседи да родичи. Пришлых наемников работать оставили.

И двинулись всем гуртом, кто на лошадях, а кто и пешком, в лес – Стога с мальцом искать.

Только его, Лиона то есть, в деревне оставили. Дубн его в свой дом отвел и сказал, чтоб здесь оставался и на соседнем дворе под ногами не путался.

Сначала Ли, вроде как, обиделся и на друзей, и на деревенских – среди парней-то, что с реки прибежали, и помоложе него были... да что говорить, что обижаться – дело-то привычное, когда его за малолетку принимают. А на объяснения время надобно, которого сейчас и не было.

Послонялся он по двору, в огород вышел, в дом заглянул – никого, кроме толстого рыжего кота, да собачонки на привязи. Но та, видно обалдев от такого количества народа за забором и шума в соседском дворе, на него и не покушалась – забила в свою конуру, да так там и сидела. Ли ее толком и не видел.

Есть очень захотелось – свою-то утренюю трапезу он у соседей на крыльце оставил. Но в доме без хозяев шуровать совестно было, так что пошел Ли в курятник, нашел два еще тепленьких яичка да выпил – вроде полегчало. А потом двинул к примеченному пустому коровьему стойлу да рядышком, в уголок на солому, и завалился... и уснул.

Проснулся он от того, что кто-то, настырно так, звал его:

– Ли-и! Ли-ион! Эльфе-енок, демон тебя задери... где ты?

Кое-как выбравшись из соломы, Ли побежал на голос.

Звал его, оказывается, Корр. Вид только у него был какой-то странный – штаны двухцветные, как будто из разных пар сшитые, да еще разной длины. А видно это было потому, что сапог вообще не наблюдалось. А камзол... точно его – малиновый с золотой вышивкой, но... вроде как и не его, а с чужого плеча – огромный.

Но долго разглядывать себя тот не дал – только узревши Ли, стал давать указания:

– Там много раненых. Бери лошадь, впрягай в телегу и дуй быстро к лесу. Да, скажи кому-нибудь из соседей, кого найдешь, пусть тоже с телегой едут, – не поинтересовавшись даже, справится ли Лион с сей задачей, подпрыгнул и растворился в круговороте мутного потемневшего воздуха. А через мгновение из дымного завихрения вылетел огромный ворон и, с шумом хлопая крыльями, стал набирать высоту.

« – Вот и увидел... только как-то все не радостно нынче...», – подумал Ли и поплелся ворота отворять да упряжь искать.

Телега-то – вон она, на крытом дворе стоит, он ее, еще когда по дому слонялся, заметил. Вот только лошади не было – Дубн на ней в лес ускакал. Но, ничего, он на соседний двор сгоняет, свою приведет. Кобылка эта у дядюшки Лайсо и в упряжи бегала – он сам не раз Лошаднику помогал ее запрягать.

Когда они с соседом, не жалея телег и задов своих на тряской дороге, примчались к лесу, там действительно на крайней поляне прямо на траве лежало шестеро тяжелораненых. Кто-то слабо-слабо, но разговаривал, кто-то стонал, а двое вообще в беспамятстве были.

Да еще рядом топталось несколько человек в крови перепачканных.

Тай с Корром, кстати, вполне нормально одетым, над лежащими руками махали в лечебных заклятиях и потом уже обливались от натуги.

Когда их процессия из двух телег, нескольких всадников, да десятка пеших подходила к крайним домам, то солнышко уж садилось.

Потом оказалось, что деревенской знахарки на месте нет. Что и ее, и из других деревень всех, кто может лечить, еще предыдущей ночью в замок забрали – там, говорят, Мельничихин Графич больно тяжко занедужил.

И пришлось Корру с Таем все самим доделывать: и кровь останавливать, и раны затягивать, и ушибы обезболить. А они с Виком, вместе с парой баб, у них на подсобном деле были: воду из колодца таскали да грели, тряпки на бинты рвали, да подлеченных по домам развозили.

Между делом Ли и к разговорам прислушивался – как поиски проходили.

Мужички-то да парни, те, что здоровыми и не сильно покалеченными вернулись, по домам-то сразу не пошли, а прямо тут, во дворе у Дубна, рядом с ранеными и пристроились. Откуда-то появилась бутылка самогона и они, из горлышка да по глоточку, ее и опорожняли.

– Откуда у него столько силы да злобы взялось-то? – спрашивали мужики друг у друга.

– Он же спокойный всегда был. Даже по малолетству драк избегал, – недоумевали они.

– У него коса с обломанным держакон была – вот он столько народу-то и покалечил!

Как понял Ли, Стог этот был в деревне уважаем за спокойный нрав и разумность. А когда его нагнали, он на мужиков-то с той косой и накинудся, и первые, кто его догнал, больше всех и пострадали – не ожидали они от него такого. А потом он в болота утек, да там и сгинул.

Когда Лион принца спросил о том, он тоже подтвердил, что даже Ворон с Таем его выследить не смогли – пропал, как и не было его.

А мальчишечку кто-то забившемся под куст видел, да сразу не взяли, а потом тоже не нашли...

В общем, все было плохо: поиски их закончились неудачей, Корр с Таем обиходив всех кого смогли, сами были в плохом состоянии теперь, а у соседей, с приходом сумерек, начали отпевать покойниц – скорбно и протяжно – по душе, как ножом по стеклу.

Чуть легче стало, когда в дом пошли да окна наглухо затворили.

Дубн то бобылем оказался – один жил. Вот их на ночь-то к себе и забрал. А по-другому – никак не выходило! Корр с Таем совсем плохие были – их, тому же Дубну, с Виком на пару, пришлось по очереди в дом на плечах затаскивать, своими ногами от истощения они идти не смогли. И с лица оба спали: бледные, щеки ввалились и синяки черные вокруг глаз – самих теперь лечить-то бы надо...

Хозяин их, между делом, корову подоил. И стали они с принцем друзей отпаивать, по переменке, то молоком с медом, то самогоном по капельке – кто ж знает, что поможет, в их-то случае... и Дубна слушать.

А тот на стол накрывал, да извинялся. Что вот живет один, уж зим десять как. Жена его родами первыми, как померла – так и живет. Он, горемычный, по ней долго убивался – у них-то все по большой любви когда-то сладилось. Потом, как оглянулся, а вокруг только девки молоденькие – пустобрешки легкомысленные. Так один и остался – привык уже. Только вот дорогих гостей попотчевать разносолами не может – лишь клубеньки в кожурке имеются, еще

вчера отваренные, сало соленое да капуста квашеная. Единственное, что хлеб вот свежий... еще Розанка сутра напекла, да одинокому соседу занесла.

Друзья уснули, а они втроем за стол сели потрапезничать – чем Светлый послал. Мэкнули по стопочке какой-то ягодной наливки за упокой души доброй женщины и ее дочек – самогон-то их хозяин не стал на стол выставлять, привычно посчитав Ли за малолетку. Зажевали это дело капусткой, по клубеньку съели и сала по паре ломтиков – аппетиту что-то ни у кого не было. Так что и сами вскорости спать подались.

Легли-то на полу – на хозяйской кровати умученных Тая с Корром разместили. Ли, сначала было, в хлев на соломку намылился, да вспомнил, что вечером со стадом корова вернулась, и пришлось укладываться там, где постелили.

А утром, после такого тяжелого дня да не вполне мягкой ночи, проснулись поздно.

Их хозяин уже успел и корову подоить да со стадом отправить, и к ямам у реки сходить – указания работникам оставить. А теперь стоял у печи и оладьи на всю компанию жарил.

Так что утренняя трапеза в отличие от вечерней, на вкус Ли, была не в пример лучше. Дубн на стол выставил целую гору оладьев, а к ним черничного варенья. Да кроме них еще большую сковороду со скворчащими на ней ломтями сала и полутора десятками глазками яиц. А сало в яичнице – это, знаете ли, совсем другое дело!

В общем, из Средних Глинок выехали они хорошо после полудня, пока Тай с Корром не оправились, и не уверили всех, что выдержат в седле до самого заката. А именно столько им и предстояло теперь ехать до Аргилла.

Вчерашнее ужасное происшествие, в котором они в силу Судьбы вынуждены были поучаствовать, тяжким грузом давило на каждого. И ни чудесные бани с теплой водичкой, без какого-либо усилия с твоей стороны льющейся на голову, ни умелые руки сильных парней, размявших им спины, не сумели полностью сгладить гнетущего впечатления от вчерашнего происшествия. И даже такое увлекательное, в другое время, занятие, как покупка нового коня, не смогло поднять общее упавшее настроение.

А Ли, получивший в собственность этого молодого и резвого скакуна, поймал себя на том, что не столько радуется новому другу, сколько расстраивается прощанию со старой кобылкой дядюшки Лайсо. И само это, казалось бы, радостное событие, придавленное плохим настроением, преобразилось в его голове в тоску по старым, пришедшим к своему завершению временам. Может там, позади, и не было все так уж расчудесно, но он был сыт, в тепле, и его там любили. Уж Лошадник-то, точно! А вот впереди грезилась неопределенность, опасность и беды...

И только довольно жесткое внушение Тая уберегло купленного конька от скорбной клички «Морось», которую было дал ему под гнетом расстроенных чувств Ли. Легкий подзатыльник – так только, волосы примял, да высказывание мужчины: «Что пора заканчивать из себя блаженного строить – парень-то большой! И должен бы понимать, что им очень повезло, когда в конюшнях провинциального города нашлась на продажу такая хорошая во всех отношениях лошадь!», помогли в поиске более-менее приличного имечка.

А конь был действительно хорош – невысокий, по сравнению с армейскими громадинами Вика и Тая, он тем не менее был легок на ногу и довольно красив. Правда, его редкий мышастый цвет и навел мысли расстроенного Ли на унылую кличку, но, именно этот же цвет и делал его таким интересным. А белесые пятна на крупе, которые в народе принято называть «яблоками», и темные грива да хвост, придавали ему еще большей привлекательности.

А хозяин уверил, что и норов у того очень даже покладистый и добродушный. Что конек, собственно, и демонстрировал им на протяжении всего торга. Спокойно разглядывал блестящими выпуклыми глазами новых людей, столпившихся возле него, и норовил, то и дело, ткнуться своими нежными черными ноздрями в ладонь Ли, ища ласки и внимания.

В общем – чудо, а не конь! А если, опять же, не забывать, что конюшня, в которой они его нашли не столичная, то прямо чудо – расчудесное! Так что, в результате раздумий, понуканий и подсказок со стороны друзей, Ли таки разродился приличной кличкой для него и назвал коня Туманом! Тоже, конечно, не ахти, но всем уже хотелось есть и спать, поэтому сошлись на ней.

А утром, когда они выезжали из маленькой чистенькой таверны кузена дядюшки Лайсо, и где Ли все таки простился с старой кобылкой, их пессимистический настрой поддержала и погода.

Как часто бывает весной, вчера еще жаркое, чуть ли не летнее солнышко вдруг решило взять передышку и спрятаться в глухих тяжелых дождевых облаках.

И пришлось им, заматавшись по самые глаза в плащи, пускаться в дорогу под холодным, колким, морозящим без устали дождем.

И так четыре дня! Они ехали, почти не переговариваясь меж собой. Молча соглашаясь со всеми распоряжениями Тая – куда заехать потрапезничать, где заночевать, во сколько вставать... лишь бы одежда успела просохнуть! Хорошо еще, что они опять скакали по Главному тракту, и им не грозило увязнуть по уши на каком-нибудь проселке.

И только когда они, уже на подъезде к столице, вышли поутру из придорожной таверны какого-то маленького городка, капризная весенняя погода решила-таки снова поприветствовать их своей солнечной улыбкой. И хандра, прочно прилипшая было к их компании, начала потихоньку отставать.

Принц, десять зим не бывший в столице, стал выказывать бурное оживление:

– Сейчас поднимемся на этот высокий холм, и ты увидишь, как он красив! – говорил Вик Лиону, обещая все рассказать о Золотом Эльмере.

Да–да, именно так и назывался главный город королевства, хотя в народе он чаще звался Королевскими Холмами из-за своего расположения, да еще, чтоб не путать с бывшей столицей – Старым Эльмером. Видно в головах простых жителей страны сложно укладывались одинаковые названия двух разных городов. А приложенные пояснения, Старый он там или Золотой, это, в их понимании, вообще, было делом – двадцать пятым.

– Старый Эльмер стоит в устье Лидеи, где та впадает в Заревое море. Его образовал Первый король на месте старого портового городка эльфов вскоре после Большой Битвы. Пока правил он, там было все спокойно. Но спустя тыщи полторы зим, когда сильная кровь Первого была разбавлена простой кровью жен его потомков, и наша Семья, собственно, как и все Семьи семи человеческих королевств, образовавшихся тогда же, утратила обязательный Дар силы, столице в том месте стали постоянно угрожать, – взялся рассказывать Виктор историю родного королевства и его столицы. Ли слушал. А что? Интересно же узнать все из уст принца – это ж совсем не то, что отец когда-то заставлял по книжкам учить!

– Когда правящие Семьи утратили обязательный Дар, а с ним и долгую жизнь магов, то и их отношение к жизни, соответственно, претерпело изменения – ушло бесспорное могущество, пришлось доказывать и себе самим, и всем окружающим право на трон, и стать жестокими, коварными и беспринципными. Началось время Смута – междоусобные конфликты, передел границ, внутрисемейные свары. А Старый Эльмер, хоть и на морской, но все же границе находится. Туда и Итамор, и Ларгар, и бывшее тогда еще королевством герцогство Мартиал свои флоты посылало. Это продолжалось зим пятьсот, пока в бойню не вмешались волшебницы Зачарованной Долины, жесткой рукой и сильнейшей магией восстановив статус-кво прямых потомков Первых королей. И не напомнили о долге и ответственности, и самим Семьям, и толпам аристократии, которые были, в большей или меньшей степени, в родстве с ними, чем и оправдывали свои претензии и амбиции, раздувая мятежи и баламутя народ. Не успело все закончиться, как пираты с Заларгарских островов, в народе более известных, как гряда Длинный Язык, почувствовали себя способными нападать на прибрежные города. После нескольких веков Смута, их силы увеличились во много раз. Сброд со всех воюющих королевств, да и

многие простые, согнанные армиями с насиженных земель горожане и крестьяне, подались к «вольным людям» – пиратам да разбойникам. Сильных магов осталось немного, а таких, как Первые короли и их первые потомки, что эльфов победили, и вовсе не стало. И чтоб не держать их всех в одном месте, охраняя один единственный город от пиратских набегов, а доступная столица тех привлекала невероятно, ее было решено перенести. Конечно, Старый Эльмер так и остался одним из важнейших торговых и военных портов королевства, но все основные богатства были вывезены. Военных стало гораздо больше, а знати, на которую в прибрежных землях устраивали засады, чтоб похитить, да выкуп потребовать, осталось значительно меньше. Все они, как пчелки за маткой, подались в новую столицу за королем. К нашему времени и пиратов значительно проредили – военные-то флоты без дела остались, вот на них охоты и стали устраивать. Сейчас редко какой корсар отважится к самым берегам Эльмерии приближаться.

– Вик, ты не прав. Может к самим берегам они и подходят редко, но в море балуют – мама не горюй! Торговцы-то, что за море ходят, флотилией, меньше чем по десять галей, и не высовываются за прибрежную зону! Да и флот до сих пор без дела не сидит – постоянно кого-то вылавливают, да на Главной площади Старого Эльмера вешают, – влез в рассказ принца Корр.

– Ну, есть такое... но, мы ж не об этом сейчас, а о новой столице говорим. В общем, решили перенести столицу в то место, где Лидея с Лиденицей сходятся. А холмы, на которых сейчас город стоит, и тогда уже Королевскими звались – там большое охотничье угодье Семьи располагалось и городок, тоже еще эльфийских времен, стоял.

За время рассказа принца они успели подняться по пологому, но очень высокому холму, и вот тут увидели...

Прямо перед ними лежал Золотой Эльмер, или Королевские Холмы, это уж как кому больше нравится.

Город действительно располагался на разновысоких возвышенностях по левому берегу этой Великой реки – с той стороны, с которой они к нему подходили, и уже основательно утвердился на правом. Им хорошо было видно, как на западной окраине города Лидея принимала в себя Лиденицу, а мягкий более тонкий изгиб той уходил влево, за спины путников – туда, где они ее перешли еще четыре дня назад в Аргилле. А сама Лидея еще более широкая и царственная, после поглощения вод младшей сестры, стелилась вниз, по направлению к Заревому морю.

– Она такая широкая, что через нее мост без помощи магии и построить невозможно! – вещал принц, широким размахом руки указывая на реку: – Только вон тот, который составной на развилке, люди строили. Он так и называется – Людской, – показал он на мост, что первым фрагментом соединял левый берег Лиденицы с образовавшейся раздел рек косой, а потом, еще несколькими проскакав по заросшим вербой и ивами островам, последним соединением взлетал на правый берег Лидеи.

– А самый широкий из трех мостов строили королевские маги, когда сюда перенесли столицу и город начал разрастаться. А вон тот – средний, что расположен напротив Дворцового холма и кажется нереально воздушным, потому что весь резной от барельефов, еще эльфы. Ну и с названиями никто, соответственно, не заморачивался: Королевский да Эльфов мосты. Между ними, кстати, только Парадная Набережная и причалы для знати, а торговые вон там, внизу на развилке. Там и все биремы в зимнее время стоят. Сейчас-то ледоход на Лидее уже закончен и навигация на ней возобновлена полностью, – Ли, вслед за рукой Вика, обвел глазами широченную гладь реки.

Хотя вода и была неуживчиво бурной, мрачного темно-серого цвета, а потому даже на вид пугающе холодной, но на ней вполне бойко уже суетились суда. В большинстве своем они шли под сложенными парусами и маневрировали с помощью весел, пристраиваясь к причалам, но несколько из них проходили мимо, гордо выпячивая разноцветные раздутые полотнища на самой середине реки.

– На двух самых высоких холмах расположены Королевский дворец и Главные храмы. В центре, самый высокий Светлому, слева же от него Станницам, а правее Темному. Там же обители при каждом и Рыцарские Ордена. А вон Ратуша, и рядом большое пространство меж трех холмов, поближе к реке – это Главная рыночная площадь. А во-он! Под стенами королевской резиденции, плац и казармы. С другой стороны, меж соседними холми – Большая арена, на которой турниры и представления актеров проходят, – Виктор водил рукой, показывая Ли главные достопримечательности столицы.

Город действительно был огромен и очень красив, особенно в такой солнечный и ясный весенний день. Большинство домов, малый круг охранных стен, большой – вокруг большей части левобережного города, высоченные квадратные башни, да и сам Королевский дворец были сложены из знаменитого охряно-красного кирпича. Только храмы Светлого и Станниц выделялись своей белизной – то тут, то там, по всему городу, да еще башня Темного чернела на одном из холмов.

И становилось понятным, почему именно Золотой Эльмер – все пирамидальные крыши храмов, дворцового комплекса, ратуши, охранных башен и еще каких-то не обозначенных Виком строений были покрыты золотом, и сияли на солнце, аж до рези в глазах.

А еще, сквозь красное и золотое пробивалась молодая зелень, делая яркий и сияющий город еще красивее.

– Так, пора двигать! А то мы и до вечера во дворец не доберемся. Это отсюда кажется, что недалеко, а как в город въедем и начнем с горки на горку скакать, то и дорога сразу станет в пять раз длиннее, – пробурчал Тай, в отличие от Ли видевший Эльмер уж полсотни раз с этого ракурса и в данный момент совершенно не впечатленный его красотами.

В столицу они въезжали через Северные ворота.

Сначала, правда, ехали долго по предместью, хорошо разросшегося за охранные стены. В отличие от предместий провинциальных городков, похожих более на сельские улицы, здесь все было, как и положено большому городу: и чистые мостовые, и кирпичные дома, покрытые черепицей, да не менее двух этажей в высоту. И небольшие площади с фонтанами питьевой воды и торговыми палатками. И ни каких тебе огородов, свиней на улицах и стариков по лавочкам.

Если б сам Ли не знал, что они ворот еще не проезжали, то бы точно подумал, что они уже внутри!

Северный въезд они миновали без каких-либо проблем – Тай предъявил висевший у него на шее медальон стражникам и их пропустили даже без расспросов. Вик все еще не высывался и, стараясь не привлекать к себе внимание, тщательно прикрыл тату волосами и надвинутой пониже шляпой. Лион уже не удивлялся подобному поведению принца – привык за многодневную дорогу. А только они тронулись дальше, как он и вовсе забыл об этом.

И не мудрено – столько интересного его окружало! Раньше, когда Ли вынужден был бродяжничать, то всякие городские интересности его не волновали – главное было совсем уж голодным не остаться. А по сторонам тогда приходилось совершенно по другим поводам поглядывать. Надо было где-то подсуетиться и помочь за мелкую монетку, пока не разглядели, какой он доходяга. А иногда и приворовать, стараясь при этом не попасться на глаза не только обираемому, но и местному вору. А где-то и просто спопрошайничать удавалось, опять же, держась подальше от внимания нищенствующих хозяев этого места.

А теперь, сытый и довольный, с надежными друзьями рядом, да с высоты собственного коня, что ж не поглазеть на окрестности?

Сначала они ехали районом мелких ремесленников. По какой бы улице они не продвигались, сразу становилось ясно, чем местный люд на жизнь зарабатывает. То в открытые ворота проглядывали гончарные круги со склонившимися над ними мужичками, с лихо работающими ногами, раскручивающими ось. То из-за забора валил пар и дым, и слышались удары молота,

давая понять, что там кузница. То вонь и разноцветные ручейки, сбегаящие из-под ворот в уличный сток, однозначно указывали на кожевенную мастерскую.

Потом пошли торговые улицы. И так интересно было заглядывать, проплывая мимо на высокой спине коня, в специально незанавешенные большие окна! В одном широко открытом, чтоб поймать больше дневного света, виднелись скошенные столы, за которыми, шустро водя перьями, переписчики делали копии – это книжная лавка. В следующем застекленном проеме уже красовались разнообразные шляпы, одетые на подставки с круглыми болванками, и их яркие перья и ленты дружно всколыхивались, если в дверь магазинчика кто-то входил. В другом окне за стеклом разными цветами отсвечивали горки сладостей и ломтиков засахаренных фруктов – кондитерская, не иначе! Такие заведеньица Ли брал на особую заметку.

Периодически они проезжали небольшие площади, на которых с восточной стороны возвышался Храм Светлого или одной из Странниц, а посередине плескался фонтан. Площади эти окружали, преимущественно, продуктовые лавки, трактиры и кабачки, а за одним из угловых домов, как правило, стыдливо пристраивался красный фонарь, по этому времени суток пока незажжённый.

Деревенские торговцы зеленью и овощами, молочными продуктами, свежим мясом и рыбой, по раннему утру заполнявшие такие вот места своими телегами и повозками, теперь, по полуденному часу, все уже почти разъехались. А если кто и задержался, то, это какой-нибудь неудачник, сдающий за бесценок не проданный товар хозяевам местных трактиров и лавок, у которых, как известно всем, имелись ледники в глубоких подвалах под холмом.

Только цветочницы со своими корзинами оставались на месте или собирались в путь в более богатые кварталы – их товар пользовался спросом, вплоть до самого вечера.

Весь город действительно был на горах и прекрасно смотрелся издали. Но, как и сказал Тай, передвигаться по нему было довольно утомительно.

То там, то здесь, между домами на широкую мостовую выскакивали узкие, похожие на ущелья улочки, пролегающие сплошь из одних ступеней. Если заглянуть вглубь такого проулка, то было видно, как он убегает, круто беря вверх или вниз, куда-то за задние дворы.

Перемещаться по ним, конечно быстрее, но проехать на коне или тем более на повозке, там было невозможно. А для присмотра за порядком, в таких вот труднодоступных местах, для городской стражи специально в горном Ардине покупались низенькие, но способные как горные козлы скакать по уступам, крепенькие лошадки.

Ну а всем остальным, кто не желал ходить пешком, приходилось двигаться по проезжим улицам, которые плавными пологими изгибами, часто чуть не в объезд по спирали, забирались и спускались с каждого из полутора десятков холмов, на которых возлежал город.

Из-за длинной бестолковой дороги нервничали все. И Виктор, который не был десять зим дома и теперь, в непосредственной близости от него, просто горел желанием поскорее доехать до дворца. И Корр с Таем, которым просто надоело шарахаться по дорогам и хотелось добраться, наконец-то, не важно куда, лишь бы до места. Вот только Ли не страдал, от этого, вверх-вниз, пути – после ремесленных и торговых районов, потянулись кварталы богатых особняков.

И здесь тоже было, на что посмотреть – узкие фасады больших четырех – пятиэтажных домов вставали в единую линию и были изукрашены резным кирпичом.

Видя, что Ли очень заинтересовался, Виктор, чтоб отвлечь себя, стал давать пояснения к увиденному:

– Это уже своеобразный вид искусства, свойственный только этой отдельной области королевства. Есть свои известные мастера и веяния моды, – говорил он, показывая рукой на очередной шедевр кирпичного творчества.

– Когда обкладка дома подходит к концу, то тогда приходит время мастера фасадов. Из того же кирпича он выкладывает намеченный рисунок, потом обтачивает формы, доводя их

до совершенства, обмазывает глиной и обжигает, затем наносит специальную глазурь и опять обжигает. А потом расписывает и еще раз проходит огнем. У них у каждого свой секрет глазури и красок, их обжиговые лампы не каждый кузнец сделает, а секреты мастерства передаются только по наследству. Смотри, если вглядываться внимательно, то руку каждого мастера можно отследить – один работает лучше с фигурами животных, другой людей, а третьему, в большей мере, растения удаются. Вон и воон... – Вик указал на фасады двух домов расположенных по разные стороны улицы: – Это работа одного мастера. Видишь, как хороши его женские образы, а окружающая их фауна – не очень.

Действительно, фигуры танцующих дриад, по сторонам от крыльца первого особняка, и русалки, между окнами второго, были просто как живые, а вот олень и сиреневый куст у одних и всякая морская живность у других смотрелись какими-то грубоватыми, топорными, без движения, что ли...

Зато другой дом выглядел, как ворота в чудный сад – весь в цветущих фруктовых деревьях и весенних распускающихся растениях! И каждый лист на ветке, каждый лепесток на стебле, казалось, сейчас колыхнется на ветерке. А вот птички, посаженные мастером на деревца, выглядели обычными глиняными свистульками.

– Это район богатых купцов, чиновников и нетитулованной знати, – пояснил дальше Вик, – а сейчас, на самом подъезде к дворцу, поедем по улицам с городскими особняками Первых господ. У тех столько земли, что они могут себе позволить не только дом, но и сад – так что с дороги порой кроме крыш за заборами ничего и не видно. Зато, какими заборами! Эти себе могут позволить не одного мастера!

И действительно, когда потянулись с обеих сторон улицы высокие кирпичные заграждения, делаая ее похожей на единый коридор, барельефные картины стали просто изумительными. И к тому же, в черед изображенных сенок, стали проглядываться и сюжетные линии.

Вот, к примеру – это были дриады и фавны: на первом барельефе вся эта лесная компания музицировала, на втором танцевала, на третьем играла в догонялки, а на четвертом... ну, он был, мягко говоря, немного непристойен.

Ли покраснев, перенес свое внимание на другие детали – на белочек там, зайчиков... благо, у хозяина этого дома денег хватило на разных мастеров, и все без исключения фрагменты были выполнены отлично.

И так каждые полсотни саженей – новый рассказ в сценках.

Пресыщенный впечатлениями, стал от поездки уставать и Ли, но благо этот квартал был последним – дальше по улице уже виднелись ворота малой крепости, окружающей дворцовую территорию.

Когда друзья въехали на подвесной мост, стали происходить странные вещи и, не ожидающий никаких резких перемен, Ли, поначалу просто растерялся и оробел.

Первое, что ввело его в смущение – это Вик, который в этот раз не стал прятать свое лицо, а наоборот, сняв шляпу и откинув волосы, ступил вперед. А когда стражники, только взглянув на него, рухнули на одно колено в слаженном приветствии, он уж просто оторопел.

Как-то не особенно осознавал Ли до этого момента, кем был на самом деле его друг Виктор. Ну, принц и принц... и че... в пути-то разное бывало – и от Тая выхватывал «доброе» слово, и на посылках у старших бывал, как тогда в Средних Глинках после побоища в лесу, и с ним, беспризорным бродяжкой, на равных водился – а тут такое!

А уж когда старшие друзья, почтительно склонив головы, остались позади, да так и последовали дальше за принцем на некотором отдалении – тут уж Ли и дар речи потерял!

Но... он хоть и бродяжка, но не дурак какой-то! И, когда обаявшая его оторопь слегка попустила, а отвисшая челюсть и выпученные глаза вернулись на положенные им места, Лион пристроился позади всех и стал присматриваться к манерам старших друзей, старательно

копируя их. При этом также старательно не замечая неодобрительного внимания стражников, исподтишка тарашившихся на его неподобающее поведение.

Так и следовали дальше – впереди Вик, по бокам у него четверо стражей, на два корпуса лошади за ними Тай с Вороном, и в самом хвосте процессии он – Ли.

Следовали степенно, без лишней суетливости – через двор с явно военными построениями, через небольшую площадь и по аллее сквозь парк, вверх к самому дворцу. Парень, конечно, и здесь с интересом поглядывал по сторонам. Но резкий бриз, то и дело срывающийся порывами с холодной реки, сделал их медленное продвижение по территории дворца менее приятным, чем оно могло бы быть, заставлял уже и его мечтать о завершении путешествия.

В итоге же, их путь уперся в высокую лестницу, от которой в обе стороны расходились колоннады галерей. Небольшой двор, зажатый трехэтажными крыльями здания, был практически закрыт от ветра, что несказанно порадовало юного эльфа, кончики острых ушей которого, высываясь из чистых, но укороченных волос, давно занемели от холода. Мощеная разноцветной плиткой подъездная дорожка была обсажена подстриженными вечнозелеными кустами и окружена клумбами, где разноцветные виолы лихо подмигивали глазками-лепестками со свежескопанной земли, а маргаритки даже не распустили своих бутонов.

Взбираясь по холму вверх, уступами уходила основная громада дворца, и из небольшого дворика казалось, что она закрывает все небо. Сколько было входов в него, Лион, конечно же, не знал, но даже его весьма ограниченных познаний в дворцовой архитектуре хватило на то, чтобы понять, что, то скромное место, к которому они подъехали, не могло быть парадным входом. Но, тем не менее, не успели они остановиться и спрыгнуть с коней, как к ним с разных сторон побежали слуги и конюхи, подхватывая под уздцы лошадей и снимая с седел дорожные сумки.

Передавая уздечку своего скакуна в руки подошедшему конюху, Ли краем глаза увидел, как из боковой двери на галерею стремительно вышли несколько человек и быстрым шагом направились к лестнице. Тут же вся толпа, что заполняла небольшой двор, и слуги с конюхами, и солдаты, сопровождающие их компанию от ворот, и Корр с Таем, и... даже Вик, в одном едином порыве опустились на колени и склонили головы.

Осознав это, Лион тоже поспешил бухнуться вниз и уткнуться взглядом в землю.

Но, такое сильное, даже скажем, всепоглощающее чувство, как любопытство, не позволило ему находиться в таком положении долго. А вы бы смогли? Если б перед вами вдруг впервые нарисовался, ни кто, ни будь, а беря во внимание реакцию Вика на приближающихся людей, толи Наследник, толи сам король!

Так что, не в силах превозмочь искушения, Ли, продув дырочку в съехавших на лицо волосах, стал подглядывать за происходящим.

Мужчина, быстро сбегающий первым по высоким ступеням, был довольно молод, а значит, все-таки не король, а старший брат Вика – наследный принц Ричард.

Он явно был немного пониже младшего брата, но тело его выглядело хорошо тренированным, и продвигался мужчина вперед пружинистой уверенной походкой, быстро сокращая расстояние до их коленопреклоненной группы.

Внешность старшего принца тоже разительно отличалась от внешности младшего. Его довольно короткие русые волосы, чуть прикрывающие крупной волной уши, золотились на весеннем солнышке, а небольшая бородка клинышком, как часто бывает у таких людей, отливала уже настоящей рыжиной. Лицо же... их Виктора запросто можно было бы назвать красавчиком, если б не свисающие темные пряди, постоянно укрывающие тату, а заодно и половину его физиономии. А вот при взгляде на наследника создавалось несколько иное впечатление и, несмотря на явное семейное сходство, его скорее можно было посчитать просто симпатичным. Более мягкие черты, более выраженная утонченность и, конечно же, открытая на всеобщее обозрение родовая татуировка, ярко выделяющаяся на правой скуле и отвлекающая внимание

от всего лица в целом. Глаза старшего принца парень с такого расстояния рассмотреть не смог, но они точно были не ярко синими.

Сопровождали же того, двигаясь чуть позади... два оборотня! Тот, что шел по правую руку от наследника, выглядел просто громадным! Хотя ростом, может, и не выше Тая, но в плечах и груди значительно шире. Он настороженно и внимательно следил изподлобья за всем вокруг. Правда в том, как он двигался, сквозила какая-то неповоротливость... возможно из-за немного косолапой походки?

Второй был не так высок и здоров, скорее сухопар и жилист, но более пластичен в движениях. Взгляд его желтых глаз, которым он окидывал окружающую обстановку, жестко въедался во все, что попадалось ему по ходу продвижения.

Тем временем Наследник подошел к Вику, наклонился и поднял брата с колен, а потом, обнимая, принялся что-то тихо и быстро ему говорить.

После нескольких произнесенных фраз старший принц развернулся и так же стремительно, как и пришел, направился обратно к лестнице. Вик, как будто напрочь забыв о существовании друзей, также быстро последовал за ним. Чужие оборотни двинулись следом.

Стоило им скрыться в дверях, как во дворике все отмерли и засуетились. Слуги похватили их сумки и поклажу с пятой лошадки, и тоже скоренько занырнули в ближайšie двери. Конюхи, так же споро, увели прочь со двора лошадей, а стражники, коротко поклонившись, запрыгнули в седла и ускакали по направлению к воротам. И буквально через пару минут, как Вик и Наследник с охраной скрылись в дверях, Ли и его старшие друзья остались одни в пустом дворике.

– Ну что, двинули и мы? – вроде как спросил Тай и, не дожидаясь ответа на явно риторический вопрос, направился к лестнице на галерею. Корр, а за ним и Ли, потянулись следом.

Оборотни видно неплохо ориентировались во дворце. Они, быстро и не раздумывая, и даже не спрашивая дорогу у попадавшихся на их пути людей, уверенно продвигались по бесконечным переходам, коридорам и лестницам. Ли едва успевал за ними. Разглядывать пролетающие мимо интерьеры было некогда.

Единственное, что удосужился пояснить Тай, что свой путь они начинают из Посольского Двора. А когда на их пути перестали попадаться служки со свитками в руках и в одинаковых черных мантиях с белыми воротниками, то Ли уже сам дотумкал, что они его миновали.

Потом была, кажется, внутренняя лестница, приведшая их на еще одну открытую галерею, где они не встретили ни единого человека, следом пустой обширный зал... затем опять коридоры, повороты, лестницы...

Когда уже Ли окончательно потерял ориентир, куда и в каком направлении они движутся, не успевая заглядывать даже в редкие окна, друзья оказались перед дверью запертой на магический ключ. И, даже без подсказок Тая стало понятно, что они, наконец-то, близки к жилым помещениям дворца.

Тай снял с шеи все тот же медальон и приложил его к двери. А когда она распахнулась, друзья вошли во внутренний сад с цветущими деревьями и уже включенным фонтаном. А проскочив его насквозь, оказались в большой застекленной галерее, увешенной громадными в полный рост портретами разных господ.

«– Кажется, это все короли и королевы!», – пораженно подумал Лион, приостанавливаясь возле особо красочного полотна, где была изображена милая темноволосая дама в окружении трех детей и нескольких собак разной породы. Разглядеть получше и прочитать табличку под полотном ему не дали:

– Ли, не цепляйся тут! Потом посмотришь! – крикнул ему Корр, уже выходя в противоположную дверь. И пришлось тому нестись сломя голову, чтоб нагнать друзей.

Хотя и приглядываться было некогда, и много интересного для Ли так и осталось не рассмотренным, но даже так он заметил, что после дверки с магическим замком, окружающие их помещения значительно изменились.

Обложенные дорогим мрамором, но в принципе безликие стены Посольского двора, оштукатуренные и беленые поверхности по бесконечным лестницам и переходам, теперь сменились на интерьеры, одетые в более изысканные и роскошные материалы. В зависимости от предназначения, помещения, через которые они проходили, были или расписаны фресками, или увешаны гобеленами, или покрыты тонкой резьбой по камню в староэльфийском стиле, а длинные переходы были сплошь забраны в деревянные панели. А на каждом повороте коридора, на каждом пролете лестницы, стояли полностью вооруженные воины, провожающие их настороженными взглядами. И в нескольких местах, чтоб пройти, Таю приходилось предьявлять свой медальон.

Наконец они вышли в хорошо освещенный зал с расписными стенами и золоченой лепниной под куполообразным потолком. Большое квадратное помещение в разные стороны вытягивалось в длинные коридоры. А еще, охраны здесь было в три раза больше на одну квадратную сажень, чем по всему пути их следования!

Слегка притормозив свой галоп, которым он пронесся через весь дворец, Тай посчитал нужным именно здесь сделать кое-какие пояснения для Ли:

– Значит так! К той части залы ты никогда и близко не подходишь – там покои его величества и наследного принца. Эта часть для тебя доступна, но не перепутай – слева комнаты его высочества Ройджена, а справа его высочества Виктора – где мы и будем жить, – услышав в ответ согласное «Угу», Тай собрался было развернуться и направиться в им же самим указанным направлении. Но его аж передернуло, когда Ли, не удовлетворившись одним согласием, следом задал и вопрос:

– А мы че, с Виком и здесь в одной комнате жить будем, как в трактире?! – слова, сказанные звонким мальчишеским голосом, ударились о штукатурку ближайшей стены и улетели под потолок, который колоколом разнес их по всей зале, сделав достоянием общественности. Ну и как следствие, солдаты и слуги, в силу служебных обязанностей находящиеся в комнате, услышав их, негодуяюще скосили глаза на глупого эльфенка и сопровождающих его оборотней.

Корр с Таем ошалело переглянулись, а когда их слегка попустило от эльфяткиной выходки, Ворон сказал Таю:

– Так, сейчас обустроимся, и надо будет этому дикарю хоть какие-то основы местного политета вдолбить, а то мы с ним еще наплачемся!

Тот, кивнув соглашаясь, зашипел уже на Ли:

– А ты будешь сидеть в покоях безвылазно, пока я не разрешу тебе выйти! Если ослушаешься в этот раз, то я самолично возьму в руки лозину и тебя выпорю! Ясно?! И запомни перво-наперво, здесь – в стенах этого дворца, никакого Вика нет, а есть только его высочество Виктор! – и грозно посмотрел на прижухшего от страха парня, и даже вроде как клыки показал. Таким его Ли еще никогда не видел!

ГЛАВА 2

А в это время сам Вик находился в спальне больного отца и никаким «высочеством» себя не ощущал.

Ему вообще, в данный момент, хотелось стать маленьким мальчиком, зим трех... сползти с этого дурацкого кресла, на котором он сидел, и прямо так – на четвереньках, подобраться к кровати. А забравшись на нее, привалиться спиной к отцу и почувствовать тепло родного человека, забыться в уюте и защищенности его объятий.

Но, конечно же, он не мог себе этого позволить, как бы горько и тоскливо ему сейчас не было.

« – Как так случилось?!» – в каком-то полубредовом состоянии пытался осознать страшную действительность Вик.

Всего-то год назад, когда он видел отца в последний раз, тот был уверенным в себе и своих силах крепким, цветущим мужчиной. Да, не молодым уже, но ведь и не старым, а самое главное – совершенно здоровым! Отчаяние с новой силой захлестнуло Виктора, поднимая у него внутри злобу на неумолимые обстоятельства и наворачивая на глаза слезы.

– Принц, ты задержался в пути, мы ждали тебя еще вчера утром. А ты даже с закатом не объявился. Батюшка твой очень слаб и я дал ему сонного зелья. Так что сейчас он с тобой поговорить не сможет – придется все отложить до вечера, когда он проснется.

« – А-а, это ж Владиус! Он уже был здесь, в спальне, когда я вошел...», – стал приходить в себя от первого потрясения Вик, выдернутый из своих горестных мыслей тихими словами Архимага.

Но, несмотря на упомянутое зелье, отец вдруг пошевелился и приоткрыл глаза:

– Мальчик мой... ты приехал... – прошелестели едва слышимые слова, а между покрасневшими веками блеснули слезы.

Вик не выдержал – плюнул на все условности и рванул с кресла. Уже в следующее мгновение он оказался возле кровати, опустился на колени и взял руку отца в свои.

– Я здесь отец, – ответил он, при этом стараясь не всхлипнуть, как ребенок.

– Я так ждал тебя... – едва слышно произнес тот и видимо сразу после этих слов все-таки провалился в сон – глаза его закрылись, а рот, наоборот, расслабленно приоткрылся, и послышалось хрипловатое замедленное дыхание.

Сзади подошел маг и потянул Вика за локоть:

– Пойдем в другую комнату, поговорим, – и направился к двери.

Принц заставил себя выпустить руку отца. Она, рука эта, которая была не крепкая и сильная, как он помнил, а хрупкая и слабая, безвольно выскользнула из ладоней сына, заставив того еще раз содрогнуться от осознания ужасной перемены, произошедшей с родным человеком.

Двигаясь вслед за Владиусом, Вик старался выдернуть себя из тумана дурного сна, которым ему стало казаться все происходящее с той минуты, как брат произнес первые слова о болезни отца. Для разговора с Архимагом нужна была ясная голова, а не тот горшок с холодным киселем, который сейчас он ощущал на своих плечах вместо нее.

Маг, видимо чувствуя состояние принца, первым делом, когда они вошли в соседнюю комнату, заставил выпить его бокал вина с добавленным туда каким-то порошком. И хотя осевшее густым осадком зелье испортило благородный вкус, но дело свое сделало. Только успев сглотнуть мерзкую гущу, Вик почувствовал, как мысли его перестают жаться по углам в холодеющей оторопи, а начинают двигаться гладко и спокойно.

И тут же мозаика сложилась...

Осколки воспоминаний, фрагменты того, что он увидел по прибытии, кое-какие собственные, неясные до этого мгновения, ощущения, сложились в целостную картину происходящего:

– Это не болезнь, обычная человеческая, да? Это опять магия того чернокнижника, что убил маму? – спросил Вик Архимага.

– Да... – сокрушенно ответил тот.

– Почему ты не уберег его?! – все чувства Виктора, обуревавшие его в эту минуту: горе и страх, отчаяние и паника, были готовы вылиться в злость на Архимага и возложить всю вину за случившееся на него.

– Да-а! В этот раз я не смог! – воскликнул тот, и принц почувствовал, что боль терзает его не в меньшей, а может даже и в гораздо большей степени, чем самого Вика, множась на чувство вины и невозможность изменить прошлое.

Это неподдельное горе, прозвучавшее в голосе Владууса, немного охладило злобу Вика, разгоревшуюся внутри, и заставило его более трезво смотреть на вещи.

А как иначе мог относиться к своей роковой ошибке Архимаг королевства? Кроме того, что он был главным защитником интересов Правящей Семьи, он и сам был членом ее по своему рождению.

Вскоре, после воцарения Первых человеческих королей на землях эльфов, в Семьях перестали рождаться дети, поголовно наделенные магией. И тогда было решено учредить должность Архимага, в обязанности которого входило оберегать и Семью, и королевство от потрясений. И естественно, что новая сложившаяся традиция предписывала назначать на нее волшебника с королевской кровью – из тех детей, что все-таки были одарены магией.

Может быть, только благодаря Верховным Магам, во времена Смута и смогли выжить прямые потомки Первых королей...

Но, с утратой поголовного владения магией членами королевских Семей, случилась и другая напасть – видимо, как плата за редкий теперь Дар, у волшебников не могло быть детей. И, соответственно, маг не мог быть продолжателем Семьи и наследовать трон.

Правда, когда-то в Ардине был принц, наделенный магическими способностями, который, вопреки уже тогда сложившимся традициям, пожелал править сам после смерти отца. Дело, кстати, было сразу после окончания вековых Больших Смута. Но, ни к чему хорошему это не привело, хотя он и говорил, что взваливает это бремя на себя во благо королевства и Семьи.

Маги, как известно, живут долго и только сила Дара способна ограничить его жизненный путь. Тому принцу, или уж лучше называть его королем Ардина, доступная ему сила магии позволила продлить свой век зим на четыреста. Его родные братья давно скончались и их дети тоже, и внуки, и правнуки... так что к концу жизни короля его окружали только очень дальние родственники, среди которых найти потомка прямой линии Семьи, было очень сложно.

В последние годы своего правления король-маг старел прямо на глазах – здоровье его таяло с ускоренностью пропорциональной прожитым годам, некогда ясный ум мутился, а Дар слабел с каждым днем.

А между тем, во дворец стали заявляться все чаще и чаще претенденты на звание его Наследника. И каждый, при этом, имел свиток с Древом Семьи и ворох старых пергаментов, которые давали право на эти претензии.

А с того дня, как король-маг умер, своей уж смертью или нет – неизвестно, королевство опять встало на путь смуты.

Было понятно, что претенденты и их семьи начали готовиться к этому моменту заранее. Чтобы достичь желаемого в ход шло все – и золото, и угрозы, и шантаж. И в результате этих инсинуаций документы, летописи и метрики, которые были подняты Советом для того, чтобы все-таки выявить прямого наследника, оказались противоречивы, многие явно фальсифицированы, а некоторые частично или полностью утрачены.

Когда Совет не смог указать с определенной достоверностью на кого-то из претендентов, в ход пошли более жесткие аргументы – войска, которые, как оказалось, к этому моменту имелись у каждого именующего себя Наследником.

И опять королевство стало погружаться в междоусобные войны.

Благо, в тот раз, волшебницы Зачарованной Долины вмешались сразу же, не дав разгореться огню смуты в полную силу. Среди претендентов был указан прямой наследник, а остальные приведены к присяге.

Тот урок был выучен всеми Первыми Семьями, прямыми потомками Дола, и древняя традиция в каждом из семи человеческий королевств была закреплена Законом, запрещающим восхождение магов на престол.

Но традиции в назначение на должность Архимага остались прежние.

В каком поколении они с Владиусом были родственниками Вик не помнил, но знал, что как Архимаг, тот был при Первой семье Эльмера, уже зим триста.

– Ты сказал, что в этот раз не смог. А что, покушений было много? – пораженно спросил принц мага, понимая, что вероятно, он был не прав, обвиняя того в халатности.

– Да. С того года, как умерла королева – угроза стала практически постоянной. Я думаю, что ты помнишь, столь скорбный факт, что твою матушку он убил через цветок? – стал рассказывать Вику Владиус то, чего тот, живя в дальнем замке, не знал.

– Обычная роза – одна из целого букета, стоящего в вазе. Никто и не подозревал, в тот раз, что ее аромат, отравленный черной магией, смертелен. Не прошло и года, как скончалась ваша мать, и король отправил тебя от греха подальше в Ястребиный Утес, Ройджена в Академию, а Ричарда, за невозможностью полностью удалить Наследника от Двора, окружил магами и оборотнями, и случилось следующее покушение. Если не ошибаюсь, это была книга, опять одна из многих стоящих на полках в рабочем кабинете короля. Потом были перчатки, как бы невзначай забытые на комод, чернила в чернильнице, чужая пуговица, закатившаяся под кровать. Я всего и не упомяну... главное, что все это были вещи, которые не бросались своей приметностью в глаза и вполне могли находиться на тех местах, на которых их находили. Урс, он, как ты помнишь, раньше состоял при твоём отце, чуял их сразу, даже поперед меня. Но в последний, оказавшийся роковым раз, ни он, ни я не смогли ощутить черную магию в том предмете, который был ее носителем. Потому что это была свеча, и испускать заложенное в нее заклятие начинала, только когда ее поджигали. А стояла она, что самое ужасное, в подсвечнике в спальне короля...

– А отец любит спать при свете свечи... – закончил этот скорбный рассказ Вик уже сам.

– Да. И опять, как и в первый раз, я не могу ничего предпринять. Несмотря на то, что каждый раз я настойчиво изучал найденный магический предмет – ничего определенного выявить так и не смог, к своему стыду признавая, что эта магия для меня недоступна.

– Она что, так уж сложна? – пораженно спросил принц, ведь всем было известно, что их Владиус далеко не на пустом месте считается сильнейшим магом королевства. И что же тогда получается?

– Там слишком много всего намешано – магия крови, некромантия, большое количество использованных ингредиентов и все это связано меж собой неким узором неизвестного плетения. Но главное, вся эта мешанина привязана к явно эльфийской основе. И, предупреждая твой вопрос, скажу, что, ни посторонних людей, ни признаков какого-то тайного проникновения в семейные покои, мы так ни разу и не обнаружили, – сокрушенно развел руками Архимаг, заканчивая свой рассказ.

Вик пригляделся к нему. Там, в спальне отца, задвинутые наглухо шторы и собственная горестная отрешенность не позволили ему хорошо рассмотреть старшего родственника. И вот теперь, глядя на него, сидящего в кресле с утомленно откинутой головой, под ясным дневным светом, Вик мог видеть изменения произошедшие и с Владиусом.

Он, который не казался намного моложе отца только благодаря окладистой бороде и полной спокойного достоинства манере поведения, теперь действительно выглядел на людские зим шестьдесят. Меж бровями и в углах глаз залегли морщины, в недавно еще гладких темных волосах и бороде, появились седые пряди. А провалившиеся глаза, с красными воспаленными веками, говорили о том, что если больного короля маг и поил сонным зельем, то сам он уже давно не спал.

– Тебе нужен отдых, – сказал с сочувствием принц.

– Ничего, я выдержу. Сейчас нельзя расслабляться. В предстоящие дни нужно столько всего еще сделать! – и произнося эти слова, утомленно вздохнул.

– Ск... сколько осталось... батюшке? – не сразу смог проговорить свой вопрос Виктор.

– Не более десятици...

Как прошли эти десять дней? Да плохо, конечно!

Засыпать Вик боялся, думая о том, что уготовано им на завтра. Просыпался и того хуже – уже в страхе, а не наступил ли тот самый страшный день.

В результате спал он не более двух часов – с трудом уснув, и вскакивал от первого крика петуха, как если бы, не еле слышное ку-ка-ре-ку доносилось с далекого птичьего двора, а ведро холодной воды выливали ему на голову.

Малый сон усугублял метание сумбурных мыслей, в которых боролись меж собой неведение в происходящее и осознание тяжелых фактов реальности.

В результате тот ледяной и тягучий кисель, образовавшийся его голове в первые мгновения после сообщения Рича о смертельной болезни отца, так и колыхался там, держа Вика в каком-то туманном нереальном мире, меняя местами сон с явью. Он ходил и делал все как обычно, разговаривал и что-то отвечал, и, вроде, даже ел, когда ему подносили, но звуки были глухими, разговоры невнятными, а смысл происходящего вокруг – ускользающим. Зато в коротких снах все было ярким, четким и реальным: и смеющаяся мать, и старающийся казаться серьезным отец, и он сам, Вик, скачущий на первом своем пони по кругу двора – им на радость.

Несколько раз, за эти десять дней, Вик, было, порывался попросить у Владиуса того очищающего мозга зелья, но... как-то ни разу до мага он так и не дошел. Мерзкое малодушие нашептывало ему, что на трезвую голову все станет только больнее.

Очень сбивало с толку и то, что утрами и вечерами, после дневного отдыха, он часто находил отца в его кабинете полностью одетым и вполне бодрым. Тот, как и помнил его Вик в прошедшие годы, сидел за столом, разбирая бумаги и давая указания секретарям.

Виктору вначале всегда приходила мысль о приснившемся кошмаре, случившемся с ним на переполненный после трапезы желудок. Но, когда последний служба удалялся, то сразу же ужасная реальность давала о себе знать – король, как только они остались одни, устало откидывался в кресле, щеки его начинали пылать лихорадочным румянцем, а на лбу выступала испарина.

Тогда, видя, что сын смотрит на него пораженно, король горько усмехался:

– Мальчик мой, как ты думаешь, смогли мы с Владиусом обмануть служек?

– Смогли, вы даже меня обманули... – расстроено погружаясь снова в «холодный кисель», из которого он едва выныривал, отвечал ему Вик.

– Все знают, что королю нездоровится. Но, приболел – это, знаешь ли, не присмерти... а знать истинное положение вещей подданным пока не следует, – и отец опять усмехался, ставшей привычной для него за последние дни, горькой улыбкой.

Вика прямо корежило от нее, и ему начинало казаться, что и он чувствует жар, боль и ломоту во всех членах, которые мучили отца.

Все разговоры, которые велись в его присутствии, вызывали у младшего принца неприятие и раздражение. А разговоров, спеша уладить все дела, больной король вел много со всеми своими сыновьями.

С Ричем, Наследником, отец все больше говорил о государственных делах, в которых Вик, живя последние годы в отдалении от дворца, был совершенно несведущ. Но, когда разговоры начинали крутиться вокруг предстоящей свадьбы брата – тут он как просыпался:

– Какая свадьба?! Отец, ну кто из нас сможет веселиться сейчас?! – встревал он. А ему объясняли что-то про Договоры, наследников и долг перед королевством.

Впрочем, хотя его как маленького мальчика и не выпроваживали после подобных взрывков, но и в расчет его возмущения не брали. Даже Ричард, выглядевший удрученным при подобных разговорах, королю не перечил.

А вот когда отец вел беседы с Роем, вторым старшим братом, который теперь был облечен саном и, к тому же, совсем недавно назначен Верховным Святителем Храма Светлого, тут уж младший принц совсем выпадал из темы. Слушая наставления отца, он недоумевал:

« – Да какая разница в кого верует народ больше – в Светлого или Темного – это ж все равно один и тот же Создатель?!» – и возмущался про себя, что больной отец тратит свое время на такие никому не нужные разговоры.

С ним самим, с Виком, отец на серьезные темы не заговаривал, а все больше вспоминал мать, старые времена и детство младшего сына.

Только однажды он завел разговор о Даре, которым был наделен Вик от рождения. А что о нем говорить? Был он, и нет его – запихнули куда подальше, прикрыв запретом. Сам Вик и не помнил ничего из того, что было с ним в пять зим, когда Дар тот проснулся.

Но отец напомнил ему, что так просто держать магическую силу «на привязи» чревато большими проблемами – вон и сны плохие сыну снятся, превращая ночи в кошмары, и перепады настроения случаются, которые дополнительной сдерживающей магии требуют, и болезни неожиданные, которые могут обрушиться на него.

А потом, вдруг, предложил снять запрет – вроде, раз свадьба Рича назначена и венчание случится не позднее, как в первый месяц осени, то и ему Вику можно теперь Дар «отпустить». Единственное, что не надо бы им пользоваться начинать – так для всякого, пока у молодой пары дети не пойдут.

Под эти слова отца почувствовал Виктор, как в его груди, в подвздошной области, завозился, жалобно просясь наружу, тот «зверек», что жил там. Но знал принц, что «зверь» тот хоть и мал, но злобен и временами не просто скребется, а и рвется наружу, раздирая нутро когтями.

А еще вспомнил Вик свои сны, в которых дракон – не прекрасный могучий заступник от Зла, как в людских и эльфийских легендах, а ужасное огнедышащее чудовище. Вспомнил, как воочию видел в своих сновидениях и красный, отливающий пурпуром, глаз, и громадные когти, по краю отсвечивающие подобно лезвию кинжала, и клубы черного с искрой дыма, пышущего из ноздрей. Как со страхом обозревал города и поля с высоты невероятной, когда летал на том драконе. А еще боль ужасную в ногах от кровавых ран, разодранных чешуею острой, и как ноги те саднило и пекло, даже когда он просыпался по утрам, хотя крови и не видно было.

И испугался он – что там вырвется еще наружу из него, удерживаемое на месте много зим? И сможет ли он совладать с этим «зверем»? Так что, сказал он тогда отцу, что потерпит еще – пока у Рича свои наследники не появятся.

Дни текли, кажущиеся длинными, пока их проживаешь, а оглянешься назад – так только мелькают, проносясь мимо – два... пять... девять...

А потом и случилось, что было обещано Архимагом... и во что до последнего не верилось – король умер. Отец умер!!!

Как прошли похороны и поминальная трапеза? Да как – тяжело было... а для Вика, так совсем, как в тумане, привычном уже – «кисель» в голове совсем загустел за десять-то дней. А может чем и Владиус опоил, так как Рич с Роем, кажется, были в том же состоянии – медлительными, спокойными, с тусклыми глазами.

И вот, теперь он сидит поутру в зверинце, в клетке Тая, а голова его раскалывается. С чего бы? Поднатужившись, Вик стал вспоминать.

Были похороны – тянущиеся и тянущиеся, утяжеленные всякими церемониями – все ж королевские...

« – Бр-р...» – Вик встряхнулся. Нет – это вспоминать он не будет.

Потом была поминальная трапеза. Он ел... нет не ел, а только пил...

А потом был эльфенок – Малыш Ли... он тащил его на своих плечах в покои...

А покои-то были пусты... точно, вспомнил – оборотни-то еще днем в живность свою перекинулись и разбрелись – один в свой старый вольтер, а другой... незнамо куда – пырх в

окно и на улицу. Им-то тоже тяжело – они короля, отца Вика то бишь, с малых лет воспитывали и охраняли. Так что горевали оборотни по королю Ройджену, ушедшему безвременно, как и положено горевать друзьям давним и хорошим – то есть, тяжело и бурно. А такое горе легче пережить, перекинувшись в зверя.

А дальше... дальше решили они с Ли идти к Таю. Зачем? Да кто ж знает...наверное, покои были совсем пустыми...

Далее... им принесли ужин – Тигру цельную ногу бычка, а им... тарелки с чем-то... это все съел эльфенок, а он... опять пил...

Потом они спали. Прямо в пещере, на куче соломы – в логове тигра. Справа помнился большой мохнатый горячий бок зверя, а слева, вздрагивающий во сне эльфенок... этот мягким не был... своими худющими коленями и локтями...

И вот теперь, поутру, он сидит на каменном уступе больной и разбитый, а в голове его умостились туманная пустота пополам с обреченностью – что дальше?... Как оно будет дальше?... А зачем оно вообще надо, это «дальше»?!!

Вик осторожно повел головой, оглядываясь. На более энергичное движение он не решился, а то к пустоте и обреченности добавлялись и перекатывающиеся от виска к виску тяжелые острые булыжники.

А вокруг, собственно, ничего не изменилось за те десять зим, что он здесь не был.

Когда-то, в те давние времена, когда эти земли принадлежали эльфам, весь город занимал только этот, самый большой холм и вмещался в малый крепостной круг. Затем, когда один из эльмерских королей решил перенести сюда с побережья столицу, и началось заселение прилегающих холмов, пришлось возводить и большой круг стен, который, впрочем, на сегодняшний день, оказался тоже внутри разросшегося города.

А малая крепость, постепенно, стала чисто дворцовой территорией. Сам дворец, с его жилыми покоями, торжественными залами, хозяйственными постройками, садами и конюшнями, казармами охраны, Посольским Двором и гостевыми флигелями, расстраивался, громясь и расплываясь по холму, от когда-то небольшого замка эльфийского наместника, расположенного на самой его вершине.

Зверинец же, как и прочие составляющие дворцового хозяйства, в течение веков разрастался, сползая по склону и нависая одним своим двором над другим.

Как помнил Вик, справа от тигриного двора, должен быть такой же львиный, неделеный на сегменты вольеров, а слева тоже кошачий – толи с черными пантерами, толи пятнистыми леопардами. Снизу – слоновий загон, видимый даже с верхней обзорной галереи, а выше – крытые клетки, для мелкой теплолюбивой живности.

В самой близости к дворцу, практически в его садах, были территории не укрытые решетками, призванные радовать нежный дамский взор и создавать впечатление вольной жизни в природе. Там обитали олени, на которых, понятное дело, никто не охотился, разные белочки и зайчики, пруд с лебедями и утками, а в теплое время года в парк выпускали и павлинов.

Напыщенных красавцев с дурным голосом Вик не терпел с детства за то, что морочили голову, обманывая глаза своей величавой пышностью, прикрывая этим простенький умишко, как у обычных несушек, и тупой индюшачий нрав.

То ли дело лебеди – этих птиц Вик любил, несмотря на то, что был не раз трепан и щипан ими. И все равно, не проходило и десятницы, как маленький принц, убежав от нянек, опять оказывался на берегу пруда с куском хлеба. Они влекли его невероятно – в них-то красота сочеталась с гордым нравом и по-человечески определенным характером. А уж рассказы о том, что эти особенные птицы живут только своей парой, просто завораживали мальчика. Ему, тогда еще верившему в сказки, все казалось, что это прекрасные возлюбленные, похожие на его родителей, зачарованные злым колдовством черного мага и вынужденные теперь скитаться по белу свету в столь красивом, но все же птичьем обличье.

Эти воспоминания о годах далекого детства, пришедшие на ум, заполнили ту часть разума Вика, что зияла туманной пустотой и немного привели его в чувства, как горечь перчинки попавшей на зуб, позволяет лучше распробовать вкус следующего куска. Сразу проявились знакомые четкие линии тигриного двора, резкость присущих ему запахов и яркость безбрежного синего неба над головой

Большой двор был отгорожен стеной от ему подобных и образовывал обширное, без крыши, помещение. Площадка, при входе в него, позволяла подойти к дверям во все три вольера, которые тигриный двор в себе заключал. А поверху, вкруговую по стене, проходила смотровая галерея, ниже которой прогуливающиеся по зверинцу дамы и господа, как правило, и не спускались, не желая ощущать насыщенные запахи и видеть вблизи неприглядные мелочи жизни животных.

Когда-то, зим сто пятьдесят назад, еще при Виковом прапрадеде, сюда был доставлен и Тай в своем втором облике. Он тогда от кого-то скрывался и почти пятьдесят зим провел, не оборачиваясь человеком, удивляя всех несоответствием пугающе огромных размеров и миролюбивого характера.

От кого он укрывался в зверинце эльмерского дворца, Вику было неизвестно – сам Тай об этом не заговаривал, а принц и не спрашивал. Но, чуть позже, что-то изменилось в окружающем Мире и, при правлении прадеда, Тай решил показать себя. И с тех пор стал наставником всех последующих молодых наследников: сначала деда, а потом и отца Вика.

Вот только с ним самим эта последовательность была нарушена. Отец приставил надежного и верного Семье оборотня ни к наследнику Ричу, а к младшенькому Вику, когда отправлял его в дальний замок, подальше от черных бед, обрушившихся на их дом.

Вольер Тая был таким же, каким принц помнил его с детства. Слева от входа, заполняя угол, располагалась рощица из десятка тонконогих деревьев и зарослей кустарника. По центру была выложена уступчатая гора с логовом-пещерой наверху, а справа с нее сбегал небольшой водопад, образуя озерко.

Дальше располагалась разделяющая вольеры перегородка в виде все той же смотровой галереи на высоких столбах, которая соединялась в торце с круговой. Проемы между подпорными стойками были забраны фигурной решеткой, образуя проход между клетками для самых смелых. Впрочем, как помнил Вик, этих смелых всегда было немного и проходом в основном пользовались служители зверинца.

За галереей располагался вольер с обычным тигром и его самкой, дальше третий такой же...

« – Да-а, с логовом только что родившей тигрицы», – вспомнил Вик пояснения служителя, провожавшего их с Ли вчера вечером сюда.

Тай, чуть выше того места, где примостился принц, почти у самого логова, обгладывал мосол, может вчерашний, а может и новый, принесенный ему рано утром, пока Вик спал.

Эльфенок сидел на смотровом балконе, свесив ноги наружу, и что-то разглядывал там, за пределами двора... « – Наверное, слонов... ». Долго на него смотреть принц не смог – яркая голубизна неба, на которой четким контуром вырисовывался силуэт парня, резала воспаленные глаза.

Тигр в соседнем вольере ходил как заведенный туда-сюда, периодически останавливаясь, чтоб разрыть очередную яму возле решетки и брызнуть струей на ее прутья. И это он своей ревностью заполнил стойким мускусным запахом весь двор. Этот крупный и мощный для обычного дикого хищника зверь не мог никак успокоиться от того, что по соседству появился более крупный соперник. Так он, по-видимому, воспринимал Тая, который действительно, не менее чем на ладонь, превосходил его в холке.

А вот тигрица была явно другого мнения о вновь появившемся соседе. На дворе шел второй месяц весны, а значит, время течки для этих кошек еще не прошло. И теперь эта кра-

савица, находясь в любвеобильном настроении, терлась о решетку всем телом, а потом, заваливаясь на спину, жмурящимися глазками томно заглядывалась на нового самца.

В общем-то, как Вик знал, оборотни в своих звериных обличиях, особенно когда подолгу находились в них и теряли часть своей человечности, вполне могли спариваться с дикими сородичами. Но сейчас, скорее всего из-за сильных чувств переживаемых человеческой половиной и звериная часть Тая на столь явный любовный призыв не реагировала. А бедная кошечка все продолжала елозить на спине, урча и порывивая, в непонимании почему красавец-сосед ей не отвечает, при этом огрызаясь на собственного «мужчину», периодически подваливавшего к ней, и доводя того своими капризами до полного неистовства.

На эту парочку смотреть Вику было не сложно – они находились в тени от галереи, и многострадальные глаза его не саднило от яркого света. Редкие их перебранки вызывали, вроде как, даже интерес, а от метаний тигра, который маятникком, с четкой размеренностью, вышагивал вдоль решетки, Вик впадал в полусонное оцепенение, забывая о насущных горестях.

И неизвестно, сколько бы он так просидел, слегка покачиваясь в след зверю, если бы не звук скрежетания отпираемого замка, проскакавшего по кругу, забранного в камень двора, и резанувшего по неготовому к такому шуму слуху. Дверь на общую площадку открылась и на пороге нарисовался... Рой. А стоило служителю зверинца захлопнуть за ним створку, как братец с рассерженным видом направился к вольеру Тая, чья решетчатая калитка и не запиралась.

Резкий скрип и последовавший грозный окрик: «– Ты что вытворяешь?!» – вспугнули сонливость Вика, отвлекли от созерцания слонов эльфенка, который тут же в любопытствующем ожидании свесился во двор, и вызвали рык всем недовольного тигра-соседа.

Только Тай и кошечка не обратили внимания на раздавшийся шум – один в полном нежелании быть причастным к чему-либо человеческому, а вторая в любовном пылу.

– Ты только посмотри на себя – на кого ты похож? Наследник Эльмерского престола сидит в зверинце грязный, вонючий, с опухшей мордой, как конюх какой-нибудь после хорошей попойки! – воскликнул Рой, подойдя вплотную к младшему брату и резко дернув его за волосы. Хотя... нет, не дернул, а вынул соломинку, запутавшуюся в нечесаных прядях – это Вику и его наболевшей голове так показалось. – На! Выпей! – велел Светлейший брату, протягивая какой-то флакончик.

Вик выпил, не став спорить просто потому, что и сил-то у него на это не было, да и братец вопил невероятно громко. А препирательства были чреватые еще большим повышением тона его голоса, чего в данном своем состоянии Вик боялся не пережить.

Зелье подействовало сразу же, заставив младшего принца, имеющего и так непотребный вид, еще и совершить не менее непотребные действия, а именно – плевать себе под ноги. Но... и неожиданно быстро полегчало – звуки перестали колошматить по голове, а яркий солнечный свет резать глаза. И сразу стало понятно, что главная проблема теперь у него во рту – сушь, вонь и горечь. Недолго думая, Вик нагнулся к озерку и попытался зачерпнуть воды, чтоб прополоскать его.

Ему не дали – горло сдавило, а его потащило прочь – это Рой, ухватившись за камзол, стал оттаскивать придурочного братца от водоема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.